

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая
ЗВЕЗДНЫЙ КОЛОКОЛ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Екатерина Белецкая
Иар Эльтеррус
Звездный колокол
Серия «Факторы», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444160
Звездный колокол / Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая: Эксмо;
Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65667-7

Аннотация

Ит и Скрипач, агенты Официальной Службы, получают замечательное назначение, которое долго просили. Им предстоит снова работать на Терре-ноль, где сейчас идет противостояние Белого Альянса и Официальной Службы. Авиация, наука, работа «в поле» – что может быть лучше?

Но что-то не так. Срываються исследования, закрыт проект «Мета-портал», урезается финансирование.

Саботаж? Кто-то интригует? Зачем? Что может произойти с Террой-ноль, если не вмешаться? И что поставлено на кон – твоя жизнь, жизнь твоих друзей, существование планеты или... всё сразу?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Орин	7
Москва	46
ИВК, Москва	82
ИВК, Москва – «Бор»	120
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая Звездный колокол

© Эльтеррус И., Белецкая Е.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается тем,
кто бесконечно дорог и бесконечно далек*

Пролог

Орин

– Зная, кто они такие...

– А кто они такие?

– Не смейся меня. Огден, это уже действительно не дело.

– Ты не передавал мне информацию по ним. Так что на вопрос «кто они такие?» можешь ответить только ты, Гарай. Как руководитель кластера.

– Ты зря ссорился с ними. Очень зря. Потому что сейчас твои ссоры и этот твой последний экзерсис с тестами начинают работать против нас.

– Нас?..

– Именно нас.

– Ты хочешь сказать, что они – какие-то существа высшего порядка, что ли?

– Я этого не говорил. Но... смотри, что получается. То, что они, все трое, что-то необычное, – знают все. Все без исключения. Начиная от Аарн, заканчивая Эрсай. И я бы очень хотел попросить тебя впредь быть с ними несколько более осторожным. Вообще, если серьезно, они уже не нужны Официальной службе.

– Даже так? По-моему, несмотря на ряд недостатков, они более чем неплохие специалисты.

– Специалисты – да, но... они заигрались, ты не находишь? Я не веду речь об увольнении, но я был бы только «за», если бы они... как бы так сказать... были максимально далеко от активных центров структуры. Или...

Молчание. Тяжелый вздох.

– Или чтобы их вообще не стало?

– Огден, что ты себе позволяешь?!

– Я себе позволяю говорить вслух то, что у тебя, Гарай, произнести – кишка тонка. Ты подумал, я сказал. Можешь не начинать, я не предлагаю таких радикальных мер. Но если они пойдут туда, куда рвутся пойти, все может решиться само по себе.

– Знаешь что, Огден... Если бы я мог, я бы тебя уволил. К сожалению, не могу. Ты...

– Что – я?

– Ты слишком жесток. Это подло.

– Это не подло, – смешок. – Это закономерно. Можешь не волноваться, Гарай. Сейчас они ушли, так сказать, на вольный выпас. На Терру-ноль.

– На что ушли, я не понял?

– Когда животное пасется без пастуха, это называется вольный выпас. Пастуха у них там толком нет, так что некому обезопасить их от неприятностей.

– Слишком рискованно.

– Для кого?

– А вот это действительно хороший вопрос...

Часть первая

Исход

Орин

Бегство

– Эй, с тобой все в порядке?

Боевик стоял посреди комнаты и растерянно улыбался. Приглушенный свет рисовал его высокую фигуру на фоне черного, залитого дождем окна: глубокие темные тени, неожиданный отблеск на смуглой коже, длинный светлый шрам на загорелом предплечье. И поза – такая спокой-но-расслабленная готовность к броску. Ну и реакции! Змеи отдыхают...

Нужно собраться с силами и ответить.

А не получается.

Внутри – свернутая в тугой узел колючая проволока, и непонятно из-за чего. То ли из-за того, что он ударил, то ли из-за чего-то другого – настолько мерзкого и постыдного, что даже думать про это не хочется.

– Ну, ты и псих, – в голосе боевика послышалось неподдельное уважение. – С тобой все нормально? Вызвать кого-нибудь? Да не молчи ты, отвечай, давай!..

– Нет, – с трудом выговорил Ит. – Не надо никого вызывать.

– Может, хоть встанешь? – Боевик сделал шаг вперед, и Ит против воли еще сильнее вжался спиной в стену. – Помочь?

– Нет. Сейчас...

Для того чтобы встать, надо, как минимум, сначала разогнуться. Попробовать. Не получается. Больно. Хотя если вот так, как сейчас, еще терпимо. Колени к подбородку, намертво сцепленные замком руки... хочется еще сильнее сжаться в комок, чтобы каким-то внутренним усилием тела раздавить, расплющить это средоточие боли, притаившееся в глубине, но не получается, не хватает сил... тогда – хотя бы спрятать пылающее от стыда и унижения лицо, и закрыть глаза, чтобы не видеть, просто не видеть – и этой фигуры, и окна, и осеннего дождя, и света...

Ит судорожно вздохнул, всхлипнул – хотелось тихо, но не вышло. Боевик, конечно, заметил. Присел на корточки рядом, участливо заглянул в глаза. На лице – все та же растерянная улыбка непонимания.

– Чего с тобой такое? Эй, псих?..

Только бы он не дотрагивался. Только бы он... Только бы...

– Мне надо выйти, – относительно приемлемая фраза. Одна маленькая деталь – чтобы выйти, надо встать. Всего-то.

– Ну, выйди. Вставай давай. Помочь?

– Не надо.

– Слушай, я тебе что-то все-таки отбил. – Улыбка становится чуть виноватой, но именно что чуть. Не чувствует он за собой особой вины. – Сейчас медиков вызову.

– Не надо!

Ну-ка, кто у нас сильнее – воля или тело? Собраться. И – рывком. Все эти плавно-медленно-тихонько – к черту. Рывком – на ноги. В глазах темнеет, но буквально в трех метрах впереди выход из комнаты... как хорошо, что эти домики такие маленькие, и нет бесконечных коридоров, переходов, и прочего, лишнего, ненужного... Несколько шагов, и дверь послушно открывается, выпуская туда, куда хотелось – под ледяной осенний дождь, и со всего маху на колени, и холодная вода по обнаженной спине, и терпкий запах умирающих листьев и травы, и спасительный холод, и мокрые, скользкие камни, и непроницаемая мгла.

Бесконечный дождь, ночь; одно-единственное желание, которое вполне можно осуществить – оказаться максимально далеко отсюда, а для этого нужно встать на ноги, и пойти прочь, ведь там, в конце пустой улицы – тропинка по склону, вниз, с горы, потом выход в степь, потом был перелесок, потом река... дойти, и... больше всего хочется... если кто-то другой не пристрелит, то я сам...

– О-па... Так, гермо, хватит. А ну, давай обратно, – голос решительный, и рука на плече, и ничего, совсем ничего нельзя с этим сделать. Они же сильные. Настолько сам привык быть сильным, что забыл, насколько они сильнее. Я с ним

не справлюсь. Уже один раз попробовал – получил. Сполна. А ведь он бил не всерьез, так, слегка приложил, даже не для острастки, просто рефлекторно, защищаясь. – Давай, говорю. Мне и без этого неприятностей хватает. Да не трону я тебя, на кой мне это?!

– Он же сказал...

– Ты совсем тупой, что ли? Тебе чего надо – тесты сдать или под дождем красиво поваляться? На Терре-ноль был? Поговорку знаешь?

– Какую?..

– Тебе чего – шашечки или ехать? – ехидно поинтересовался боевик.

– Но я не могу – вот так!

Все. Довольно! Молчать дальше – это еще раз нарваться. На эту улыбку, на протянутую руку, на...

На запах.

Пряный, сладкий, очень необычный – чем-то похоже на запах сухой листвы, меда (знакомая нота, но это лучше не трогать), вереска, солнца. Летняя степь на закате пахнет немного похоже...

– А кто тебя заставляет – так?.. – Кажется, он опешил. – Да. Реально псих. Ты сколько этим не занимался, гермо?

– Сорок один год.

– Ох и ни фиги себе! – В голосе – неподдельное восхищение. – Мне семи хватило, чтобы все к чертям завалить. Прикинь, ни одного теста не прошел, вообще. – Боевик за-

смеялся. – Давай обратно, а? Жопой в луже, оно, конечно, охренеть как весело, но чего-то мокро.

– Что ты сказал про тесты? – Вроде бы стало чуть полегче.

– Сейчас сообразим, чего можно сделать. – Снова смех, уже покровительственный. – Не в первый раз. Сука Огден, чего удумал! Я ему не лабораторная зверушка, чтобы меня спаривать с кем попало.

– Я тоже. – Боль действительно успокаивалась. – Ладно, пошли. И надо рыжего вызвать...

– Напарника, что ли?

– Ну да.

Все еще больно. Пришлось опереться на протянутую руку, чтобы встать. Может, и впрямь что-то отбил? Но – уже спокойнее. На порядок спокойнее. Почему было сразу не сказать, что трогать не собираешься? Или... собирался, но раздумал?

Ну и день. Кошмарный день. Лучше бы его не было.

Начало, впрочем, было не самое плохое...

* * *

– Ты кто? Ты твоя мать или ее дочь? – Ит строго посмотрел на сидевшую напротив Маден и прищурился.

– Пап, ну не смешно это сейчас, – недовольно проговорила она. – Рыжий! Ит опять издевается!.. Пап, перестань, правда. Пузо же, ну чего ты... какая мама...

– Ты сидишь за столом и пуза не видно, – справедливо возразил Ит. – А вообще ты стала похожа на букву «я» из русского алфавита, ты в курсе?

– В курсе, Рыжий уже сказал. – Маден улыбнулась.

– Всегда он первым успевает, – проворчал Ит.

– Не всегда, – возразила Маден. – А вам точно нужно уходить?

Ит ждал этого вопроса. И в который раз удивился ее долготерпению: десять дней она держалась, ничего не спрашивая, а они в это время собирали снаряжение, ездили на стрельбы, на тренировки с чужой боевой группой, заканчивали в очередной раз переподготовку. Она все это видела. Вернее, они все это видели, все трое, вся эта странная семья. Семья их дочери. Видели – и молчали.

Но она все-таки не выдержала, сдалась.

– Надо, котенок. Действительно, надо. Поверь...

– Я не могу поверить, пап. – В травянисто-зеленых глазах Маден он сейчас видел то, что никогда, ни одного раза в жизни не появлялось в глазах ее матери, их жены. Орбели так смотреть не умела...

– Почему? – Ит посерьезнел. Сел ровнее, положил перед собой руки. Разговор предстоял неприятный, и он внутренне напрягся, собрался.

Дочь молча смотрела на него – с такой печалью, что сердце защемило.

Слабенькое осеннее утреннее солнце освещало кухню; че-

рез раздвинутые шторы в небольшое окно падали на пол прозрачные тонкие лучи, и за спиной Маден было сейчас бесконечное, линиялое, словно бы выцветшее небо. Светло-рыжие волосы Маден, подсвеченные этим солнцем, сияли, словно нимб, и ему в который раз уже показалось, что она, их самая любимая на свете девочка, – святая... впрочем, наверное, так оно и было. Потому что не бывает не у святых – этой печали и боли в глазах, и таких тоненьких рук, и полупрозрачных пальчиков, и... какая же я скотина, с раскаянием думал Ит, так обидел свою девочку, так обидел, и ведь еще ни слова не сказал и уже обидел, и, не дай Всевышний, она сейчас расплачется, и...

– Потому, что вы – хорошие, – убежденно ответила Маден. – Пап, я же знаю. Я вижу. Вам не нужно... так.

– Может быть, – беззвучно ответил Ит. – Но иначе невозможно. Ты ведь это тоже видишь.

Она кивнула, чуть слышно всхлипнула.

– И это из-за мамы, – обреченно сказала она.

– Отчасти, – успокоил ее Ит. – Всего лишь отчасти. Мама...

– Ит, не говори, что мама ни при чем, – попросила Маден. – Потому что это будет неправда. Она – при чем. Еще как при чем. И чем дальше, тем все хуже. Я... пап, я не могу больше жить на фронте. Особенно сейчас.

– Тебе надо жить твоей жизнью. Нормальной жизнью.

– Которая нормальная для таких, как я? – горько спросила

она.

– Да, – кивнул Ит. – Нормальной – для твоей семьи. Мама этого понимать не хочет. Мы с Рыжим – понимаем.

Скрипач, стоявший все это время молча в дверном проеме, согласно кивнул. Подошел к дочери, погладил по волосам. Она тут же доверчиво к нему прильнула, и улыбнулась сквозь подступающие слезы – совсем как в детстве. Рыжий тоже улыбнулся, щелкнул ее по носу.

– Мы не такие плохие, как говорит мама, – шепнул он. – Все она врет. Ну, или почти все. Ну, треть. Четверть. Одну десятую. Сотую. Но на сотую мы почти что хорошие, правда-правда.

Сел рядом с ней, и она ткнулась носом ему под мышку. Все-таки расплакалась. Как же ей тяжело, бедной. Сердце защемило еще сильнее...

– Син, – позвал Ит тихонько. – Ну не надо. Ты родишь, мама уедет, и все потихоньку наладится.

– Мама уедет, но вы... – Она все еще всхлипывала. – Почему вам не остаться? Ну почему...

– Малыш, мы год ждали допуска. – Скрипач отвел взгляд. – Именно этого допуска, ты же знаешь.

Она кивнула, всхлипнула.

– Син, все будет хорошо, – заверил Ит, стараясь, чтобы голос звучал бодро. Получилось плохо, да и обмануть дочь не представлялось возможным – при ее способностях любой обман был просто смешон.

– Нет, пап, не будет. – Она отрицательно покачала головой.

– Будет, – упрямо возразил Ит.

– Если вас убьют...

– Ну, во-первых, это не так просто сделать, – рассудительно начал Скрипач. – Во-вторых, в наши планы это не входит. А в-третьих...

– Рыжий, вы не вернетесь домой. – В голосе Маден была сейчас обреченная уверенность. – Что бы ни случилось, вы все равно не вернетесь домой. И... Из-за нас... тоже...

– С чего ты это взяла? – удивился Скрипач.

– С того, что я вижу тот крест, который вы на себе поставили. – Она порывисто вздохнула. – Ведь вы... вы не такие... вы должны быть... но...

– Если бы мы были «не такие», у нас не было бы тебя, – упрекнул ее Ит. – И Фэба не было бы. Вот нам захотелось, и мы выбрали, чтобы было так, как сейчас. Нет никакого креста, котенок. И домой мы вернемся, может, не насовсем, ты права, но вернемся.

– А если тут будут экипажи? – с горьким вызовом спросила она.

– Им придется кормить птиц, – пожал плечами Скрипач. – Впрочем, ты и сама справляешься неплохо...

Маден родилась потомственной Встречающей, второй в колене после умершего сорок один год назад Фэба, – это выяснилось, когда в возрасте трех лет она впервые в жизни увидела Сэфес. Ит и Скрипач замечали что-то необычное и раньше, но Орбели этого необычного видеть категорически не хотела. Она желала для своего ребенка другой судьбы, и все последующие годы их совместной жизни превратились в войну за эту самую судьбу. Сначала – в едва заметную, но после...

Первые пять лет после возвращения с Терры-ноль их на серьезные задания не выпускали ни под каким видом – по здоровью. Лечиться пришлось долго и основательно, но они оба этому факту тогда только радовались – больше всего в тот период им хотелось быть дома, с женой и дочерью. Брали всякую рутину, уезжая максимум на месяц, много работали в учебке, набрали стажерскую группу. Десять лет пролетели, как один долгий и счастливый день.

Но после...

Сначала Орбели стала пропадать все чаще и чаще – то она уезжала к родителям, в Девятнадцатый Ти, то вместе с женой Ри, Марией, занималась какой-то странной благотворительностью в мирах первого уровня. Ее чем дальше, тем больше стала затягивать большая политика – игра, от которой оба

они старались держаться подальше; игра, в которую против своей воли оказался в свое время втянут Ри; игра, которая безумно нравилась Марии... и Орбели, как выяснилось, тоже. В доме они жили в результате вдвоем, и, несмотря на то что Маден была совсем еще ребенком, дом буквально расцвел – такого мира, такого покоя он не знал уже очень давно. Для Ита и Скрипача пять лет, проведенные рядом с дочерью, были одними из самых лучших за всю жизнь: они великолепно понимали, кто она такая, и каждый день рядом с ней был для них маленьким чудом. Скрипач как-то сказал, что завидует будущему экипажу, который достанется дочери – к ней будут не просто выходить из Сети. Лететь будут, сломя голову... Надо ли говорить, что они не только не препятствовали занятиям Маден, нет, они потакали ей во всем, в чем было можно и даже в чем нельзя: например, в тринадцать она впервые попала на настоящий рабочий выход (вернулись Леон и Морис) и работала «на подхвате» вместе со взрослыми Встречающими. После этой недели Морис дал ей первое рабочее имя – Солнечная... они радовались вдвоем, но потом приехала Орбели и недвусмысленно дала понять, что играм пора положить конец. Хорошо хоть, пробыла недолго – после ее отбытия Маден плакала несколько дней. Она никак не ожидала от матери такого унижения, и обида ее была ужасна; душа отказывалась принять совершеннейшую несправедливость и, главное, непонятно откуда идущую черную ненависть.

Потом, когда Маден было шестнадцать, Орбели переселилась к ним вновь – с ее точки зрения, воспитание дочери было запущено, испорчено. Требовалось хорошее образование, а также материнская забота, которой подросшая Маден стала к тому моменту бояться и всячески сторонилась. Она постоянно пропадала у Сони с Владой, Встречающих Леона и Мориса, она уезжала на сходы и лекции в учебный центр, она взяла самый сложный и совершенно ненужный (с точки зрения Орбели, конечно) курс по тонким потокам; она хотела учиться медицине, и ее совсем не прельщала судьба, которую прочила ей мать. Экономикой она заниматься категорически не желала, но Орбели отвезла двадцатилетнюю дочь в Ти, невзирая на все ее протесты, и заставила поступить в престижный дорогой университет – по специальности, которая у Маден вызывала лишь отвращение. Ит и Скрипач возражали, как могли, но переупрямить Орбели представлялось невозможной задачей. Скрипач сам чуть не плакал, вспоминая несчастные глаза дочери во время прощания на терминале.

– Не надо было ей разрешать... – сказал тогда Скрипач.

– Ну, попробуй. Не разреши, – обреченно отозвался Ит.

Впрочем, характер у Маден оказался на поверку ничуть не слабее, чем материнский, в чем они через год получили возможность убедиться.

Влада с Соней, узнавшие, что Орбели силой увезла дочь, переглянулись и начали смеяться. Скрипач тогда спросил –

что же в этом смешного? Влада серьезно посмотрела на него и пообещала – увидишь.

– Она редкая девочка, – уверенно произнесла Соня. – Да, Орбели пытается с ней бороться. Но сейчас Орбели лишь ускорила ход этой борьбы. В которой выиграет не она.

– Ты думаешь? – удивился Ит.

– Знаю. – Соня снисходительно улыбнулась. – Готовься.

– К чему?

– К чему-то. – Соня засмеялась. – Сложно сказать, к чему именно, но все равно готовься.

Через год Маден вернулась.

Не одна.

Их не было дома дней десять, они водили своих стажеров на пробную отработку – веселый, ни к чему не обязывающий выход, по сути – большая игра, в которую охотно играли и стажеры третьего года обучения, и они сами. Возвращались, как думали, в пустой дом.

Однако в доме, к их вящему удивлению, обнаружилась дочь и... совсем молодой гермо, на вид – максимум лет двадцати.

– Кто это? – Обалдевший от неожиданности Скрипач, стоя на пороге гостиной, смотрел то на Маден, то на перепуганного гермо. – Син, ты язык проглотила? Ты почему здесь, ты же должна быть в университете!..

– Я его бросила. – В голосе Маден был страх, но одновременно – вот удивительно – какой-то отчаянный вызов. –

Я туда больше не вернусь!

– Ладно, ладно, хорошо. – Ит обошел застывшего как статуя Скрипача, положил сумку со снаряжением на низкий резной столик и сел на диван. Гермо, стоявший молча у дальней стены гостиной, вдруг резко повернулся и скрылся в коридоре. Ит проводил его недоуменным взглядом. – Котенок, объясни толком, что произошло?

– Я... – Она переводила беспомощный взгляд с Ита на Скрипача и обратно. – Я... замуж вышла. Это мой муж, папа.

– А куда... э-э-э... пошел твой муж? – поинтересовался отмерзший Скрипач. – Он поздороваться не хочет?

– У него там его муж, – обреченно ответила Маден. – Мы... мы теперь втроем. Пап...

– Чего? – спросили они хором.

– Может, вы меня все-таки слушаете?... Я побоялась, даже Владе и Соне не сказала. – Маден виновато опустила глаза. – Вы на меня не сердитесь?

– На тебя невозможно сердиться, – упрекнул Скрипач. – Расскажи все по порядку, и мы подумаем, что делать дальше.

Как выяснилось, Маден пробыла в университете всего полгода, больше не выдержала. Связаться с отцами она не рискнула, доступ к счету ей Обрели частично заблокировала, и проверяла каждый шаг, отслеживая и наставляя на путь истинный. Правдами и неправдами Маден достала денег и... сбежала, пройдя через сеть Ойтмана в один из отдаленных миров рауф. Там удалось подработать, и она, опасаясь пре-

следования матери, прошла еще дальше – и уже в этом мире познакомилась с Гвен и Отири. Ужасный мир, просто ужасный, и чудо, что потенциальные Встречающие там сумели выжить. Пять месяцев Маден с Гвен трудились не покладая рук, кем придется, отказывая себе во всем, не гнушаясь любой, абсолютно любой работы, и с трудом набрали сумму на проход в систему Анлиона, а там помог Ри, и они, после месяцев скитаний, добрались кое-как до дома. Отири не может работать, его три года назад искалечили в уличной драке, вернее, даже не в драке, а в самом настоящем побоище – и теперь он ходит-то с трудом, постоянные головные боли, изуродованы кисти обеих рук, на лечение денег не было, он бы умер, если бы не Гвен, какая работа...

А ребята, оба – Встречающие, причем Отири еще и потомственный, в третьем колене. Его родители остались без экипажа во время реакции Блэки, долго перебирались из мира в мир, попались Антиконтролю, Отири сумел сбежать, а они – не сумели. А позже он подобрал Гвена, и они решили попробовать добраться или до Аарн, или до какого-нибудь мира Контроля, но тут случилось то, что случилось, и Гвен три года ухаживал за инвалидом, в которого превратился его муж, уже без всякой надежды на то, что жизнь изменится... а потом появилась она, Маден, и Гвен в нее влюбился, и они все втроем решили, и вот... ну и вот... Вот так все и получилось.

Ит слушал ее рассказ, и у него волосы на голове встава-

ли дыбом от мысли, что их родной котенок, их девочка на опасных древних транспортах моталась по галактике, даже не имея возможности связаться с ними, попросить о помощи... К концу рассказа Маден он понял, что к Орбели у него появился не просто счет, а СЧЕТ, да такой, что попадись ему жена в тот момент, это был бы уже не скандал... что-то большее.

– Так, – решительно сказал Скрипач, выслушав ее сбивчивый рассказ. – Все. Никаких университетов, никаких поездок и никакой самостоятельности от мамы. Вызывай Владу, Соню, Мансий, Хилль, подавай заявку в учебку, а мы...

– А вы что?

– А мы пошли знакомиться. – Ит решительно встал. – Котенок, все хорошо. Поняла? Все хорошо. А будет еще лучше.

Маден бросилась к нему, повисла на шее, потом протянула вторую руку, и Скрипач тоже обнял ее – минуту стояли молча, Ит гладил тонкую спинку, утешая, ободряя, и думал, что все действительно будет хорошо – а если не будет, то у него в сейфе, в подвале, есть несколько очень неплохих образцов оружия, и плевать он хотел на все приличия...

Скандал Орбели, конечно, закатила грандиозный. На след сбежавшей дочери она вышла лишь тогда, когда та уже была дома. И тогда первый раз случилось совершенно невозможное – Скрипач просто не пустил в дом жену. Слова, в тот день произнесенные, стали непробиваемой стеной между ними – да так ею и остались. Уже навсегда.

...враг собственному ребенку – да, ты и есть этот враг, который выбор ребенка понять и принять не хочет и не может.

...не я враг, а вы – потому что подвергаете жизнь ребенка огромному риску, и еще...

...и еще ты ненавидишь и Контроль, и все, что с ним связано, ведь так?

...и мне есть за что его ненавидеть, и очень странно, что вы так его любите – а уж кому, как не вам, знать, как Контролирующие калечат себе и окружающим жизни.

...не Контроль калечит жизни, а те, кто не может принять сам факт того, что существует нечто большее, чем пачка денег или вкусная жаренка.

...я ее мать, и мне виднее, что для нее лучше, а что нет.

...ты хочешь сказать, что мать – это такое божество, которое все за всех знает и все уже решило, но на самом деле это вовсе не так, да будет тебе известно, и порой, представляешь себе, дети оказываются умнее и мудрее, чем их матери.

...и что с того? У нее ничего нет – ни жизненного опыта, ни знаний, ни профессии. Кем она станет вашими заботами? Служанкой при двух чокнутых, мнящих себя святыми, сидящей год за годом на одном месте и ждущей, когда их величества соизволят притащить свои задницы в мир приписки?

...убирайся отсюда прочь и, пока не поставишь мозги на место, не смей даже подходить к порогу этого дома!!!

Три года...

Три года потом они пытались как-то наладить шаткий

мир – и это в результате удалось, с большим трудом, но удалось.

Три года лечили Отири – молодой рауф и впрямь был в весьма плачевном состоянии. Три года брали только короткие задания, и в результате сильно поиздержались.

Но постепенно все наладилось.

Маден, Гвен и Отири перебрались жить в учебный центр, впрочем, они большую часть времени все равно проводили с другими Встречающими. Обучение, длящееся почти восемнадцать лет, они закончили одновременно – из них получилась очень редкая структура, потому что лучше всего они работали именно втроем, тогда как обычные Встречающие чаще всего работают парой.

А сейчас Маден ждала ребенка – они все-таки решили родить до того, как брать экипаж. Можно было бы взять, претенденты были, но... если возьмешь, то двадцать пять лет никаких детей заводить нельзя. Когда мальчику будет три года – можно брать, тем более что они работают тройкой.

Естественно, Орбели, прекрасно знавшая о намечающемся пополнении, приехала... лучше бы не приезжала... мальчишки от нее шарахаются, Маден ходит сама не своя, да и им самим в своем же доме не осталось места.

Раньше все было иначе.

Теперь – все изменилось.

Кардинально, и, по всей видимости, уже бесповоротно.

За эти годы Ит и Скрипач, по их собственному ощущению, очень сильно изменились и сами.

Во-первых, тот внутренний надлом, появившийся после отработки Терры-ноль, никуда не исчез. Как сказала Влада – бездонную пропасть можно пробовать засыпать, но дело это бесполезное.

Во-вторых, чем дальше, тем больше хотелось... обратно на Терру. Они использовали любую возможность, чтобы попасть туда, брали самые нелепые поручения и задания, лишь бы провести там хоть день, хоть два. Нет, пока Маден была маленькой, о Терре они думали редко, не до нее было, но когда дочка выросла, их стало тянуть туда все сильнее и сильнее.

В-третьих, в один прекрасный день они обнаружили, что дома стало... как-то некомфортно. Нет, все было прекрасно, молодежь вела себя образцово, никто никому не мешал, да и Маден так трогательно обо всех старалась заботиться, но...

...но им хотелось, как выяснилось, совсем другого. Уединения, тишины, какой-то отрешенности, что ли. Дома этого больше не было, да и быть не могло: молодое семейство рауф, странное даже с точки зрения других рауф, что говорить о человеческой, утвердилось в доме уже точно на постоянной основе, и они поняли – через какое-то время отсюда придет-

ся уйти. Маден, конечно, догадалась обо всем сразу, и началась борьба, в которой верх одержали все-таки они, но – частично, лишь частично. У Маден было слишком много условий, которые надлежало выполнить.

Первое – развод с матерью.

Попробуй выполни...

Маден отчаянно не хотела, чтобы они и дальше состояли в браке с Орбели, она видела – от того, что происходит, всем только хуже, а казалось бы, куда еще хуже. Она понимала, что является причиной этой затяжной ссоры, из которой нет возврата, она понимала, что оба отца безоговорочно приняли именно ее сторону, и она не могла не переживать из-за того, что в результате получилось.

Все происходящее напоминало Иту и Скрипачу какую-то липкую, вязкую паутину, из которой ужасно хотелось вырваться.

Хоть куда-то.

Лучше бы туда, куда хочется, конечно.

Подали заявку на отработку – их не выпустили. Мурыжили целый год, истрепали все нервы, потом вроде бы дали добро на выход... шикарный выход, что говорить. Годовой заброс на Терру-ноль, именно туда, куда они просились, на отличных условиях, причем заброс широкого профиля, без уточнений – и боевая работа, и агентурная... оплата втрое против обычной, красный код подразумевается автоматом, должность – не рядовая, да плюс наука, да плюс своя квар-

тира там же, да плюс свое снаряжение, разрешенное к ввозу... Сказочный выход.

Дело было за малым.

Пройти тесты.

И ведь почти прошли, но случилось непредвиденное – причем за четыре дня до выхода.

* * *

Рыжий спалился.

Позорнейшим образом, на стимуляторах.

Причем поймали его не где-то, неизвестно где, а в собственном доме – это было самое отвратительное.

От тестов у них был отвод на двадцать пять лет, но этот отвод уже кончился. И они снова, как в молодости, начали выкручиваться и обманывать, благо, что опыт был богатый. В ход шло все: от имитаций и подделок до откровенного издевательства над собой.

Лишь бы выпустили.

Лишь бы проскочить.

И ведь удавалось! До этого дня – удавалось... даже после смерти Эдри, и то удавалось.

Но сегодня...

После разговора с Маден и вечернего скандала, произошедшего дома, Ит сидел в кабинете заместителя куратора кластера, и чувствовал, что нервы уже не просто на пределе,

а за пределом. К начальству он отправился при всех регалиях: форма, «летопись жизни» на правом рукаве, занимающая больше чем половину этого рукава, волосы заплетены в косу, и даже стилет в косу вставлен, как по уставу положено.

Сначала он выслушал небольшую лекцию от Огдена, который, несмотря на двухсотлетнее знакомство, сейчас делал настолько официальный и неприступный вид, что становилось тошно.

Потом в кабинет Огден вызвал с какой-то радости следующего посетителя. Этим посетителем оказался темноволосый смуглый рауф, на полголовы выше покойного Фэба, мало того, рауф этот был еще и боевиком, причем перевели его сюда всего лишь три месяца назад.

Огден предложил им двоим его выслушать.

Они выслушали.

После Ит встал, и, не говоря ни слова, вышел вон из кабинета.

Он ожидал от Огдена чего угодно, но только не такого.

Ругани, скандала, склоки, нотаций – практически всего.

Но услышать то, что он услышал... за всю свою жизнь его ни разу не унижали до такой степени. Ни разу. Он на автомате шел по улице, ничего вокруг не видя и ощущая лишь жгучий, отвратительный стыд. То, что боевик, оказывается, все это время шел рядом, он сообразил только тогда, когда подошли к стоянке флаеров, располагавшейся на окраине учебного центра.

– Ну чего? – мирно поинтересовался боевик. – Ко мне или к тебе?

Ит посмотрел на него так, что боевик непроизвольно отступил на шаг назад.

– Слушай. – Боевик перешел на другой тон – небрежный, покровительственный. – Тебе на Терру надо? Так?

Ит кивнул.

– Вот и мне надо. А если нам чего-то надо, то этого нужно что? Добиваться, – сделал поразительное умозаключение боевик. – Так что ты это... не выпендривайся, что ли. У тебя до выхода сколько?

– Четыре дня, – ответил Ит через силу.

– Во, а у меня пять! – обрадовался боевик. – Как раз за три дня успеем. Слушай, гермо, ты чего, а? Дело-то плевое. Давай ко мне, что ли, если к тебе нельзя. Нельзя ведь, так?

Ит кивнул.

– Поехали, – решительности боевику было не занимать. Он запрыгнул на свой флаер, легкая летающая платформа слабо вздрогнула. Ит, поколебавшись секунду, встал рядом с ним.

«Будь что будет, – подумал он безучастно. – Может, и впрямь из этого что-то получится. Чего я хочу? На самом деле, чего я хочу? Не понимаю... то ли провалиться сквозь землю, то ли убежать куда-то, то ли сделать что-то такое, после чего меня не станет...»

А ведь это уже было, вспомнилось ему.

Самый короткий путь на Терру-ноль.

Он слабо усмехнулся – нет, не получится. Не та степень отчаяния. Вся гадость, которая сейчас происходит, – не смертельна. Ни для кого из них. Да, от нее хочется сбежать, но чтобы сразу на тот свет... как бы не так.

* * *

Скрипач прилетел минут через десять после того, как Ит скинул ему вызов. Ит к тому времени уже успел переодеться и лечь – все-таки ему было нехорошо. Если разобраться, ерунда, в другой ситуации на такую боль он бы и внимания не обратил, но сейчас боль стала поводом, отсрочкой... Можно полежать, подумать. Может, даже поспать. Собрать в кучу разбегающиеся мысли, привести их в относительный порядок. А еще – хорошенько поразмыслить над тем, что делать дальше. Например, стоит ли работать тут, на Орине, или есть смысл перевестись куда-то еще, где к рауф относятся лояльно. Вселенная большая, ведь можно найти себе место, в котором не будут говорить такие вещи, правда? Та же Терра-ноль. Хорошо бы туда на постоянной основе. Жилье есть, им двоим много не надо...

– Ты чего? – Встревоженный Скрипач быстрым шагом вошел в комнату. – Что случилось?

– Случился Огден... спроси, он расскажет. – Ит кивнул в сторону боевика, имя которого до сих пор так и не узнал. –

Со мной все нормально, полежу немного, помедитирую... нет, рыжий, правда, все в порядке.

– Я его слегка приложил, – сообщил боевик с виноватой улыбкой.

– Потому что я его спровоцировал, – тут же добавил Ит.

– Ясно, – подытожил Скрипач.

– Мы в соседней комнате посидим, пока ты отлеживаешься, – предложил боевик. – Тебя как зовут?

– Рыжий. Можно Скрипач, без разницы. А тебя?

– Кир. Кир Гревис. Так вот, чего удумал падла Огден...

Они вышли. Ит махнул рукой, свет послушно погас. Он натянул одеяло повыше, повернулся на бок. Прислушался к себе – все-таки, болит или нет? Вроде нет... Или почти нет. О чем я хотел подумать?.. А не все ли равно. Лучше поспать. Сон – тоже бегство. Когда спишь, реальность для тебя не существует. Это где-то еще по дому ходит рассерженная Орбели, это где-то в другом месте Маден спорит с ней, а два ее мужа сидят в комнате, не смея носа высунуть за порог. Это не здесь, не сейчас рыжий стоит посреди собственной ванной с «палитрой» в одной руке и снотворным в другой... спасибо, что не голый, только вытащил, раздеться не успел. Не здесь, не сейчас Огден читает лекцию о том, кто такие на самом деле рауф. И тесты тоже... Это все где-то еще. Не здесь. Не сейчас. И не с ним...

Проснулся он от того, что в соседней комнате оглушительно смеялись на два голоса. Ит прислушался – да, действи-

тельно, Скрипач смеялся. Причем, кажется, так легко и свободно он не смеялся уже черт-те сколько. Лет десять – точно. А то и больше. Что у них там происходит такое?..

В комнате было совершенно темно, и он подумал что, скорее всего, спал совсем недолго – часа два, ну три. Ит встал – свет тут же включился сам – и, подойдя к двери, осторожно стукнул по косяку.

– Заходи... открыто... – Рыжий все еще хохотал. – Кир, и чего?..

– ...и это убожество на подгибающихся ногах чикиляет ко мне. Спасите нас, говорит, а то нам, похоже, каюк. Моя группа стоит, как стадо фуцелей, и не понимает, какого... мы тут все делаем. Причем стоим мы в полной защите – все как положено, замкнутый контур, биологичка активная. Кругом – природа. Да какая!.. Лужайка, как из сказки, вся в желтеньких таких цветочках, горный склон, ручеек. Благодать! И это вот, которое когни. Стоит. Двумя руками прикрывает... ну, это самое. Я спрашиваю – кого и от чего спасти-то будем, любезный? Он машет рукой – там, мол. Смотрю – кусты шевелятся. Вокруг полянки – полно кустов, и все шевелятся, прикинь?

– И чего было в кустах?

– В кустах... Рыжий, в кусты заглядывать было нельзя, поверь... не, мы заглядывали, пока искали всю эту научную шатию... так вот, я тебе скажу, что я много чего видел, но чтобы с таким рвением этим кто-то занимался...

– А из-за чего это было? – Рыжий, скрестив ноги, сидел в головах кровати, боевик развалился в кресле и сейчас курил тонкую коричневую сигарету.

– Ты не поверишь, но это зацвел местный эндемик. Они до высадки растения перепроверили три раза, но знаешь, поговорка есть, что всего угадать невозможно? Когда они проверяли, он не цвел. Когда высаживались и снова проверяли, он опять не цвел. А когда разбили лагерь, он зацвел и пробил на раз защиту, прикинь? Кто же знал, что пыльца работает как афродизиак?.. Причем действует только на когни. Мы там потом ходили чуть не голышом, с нами ничего не было. А этих выносило – только в путь.

– Класс, – восхищенно констатировал Скрипач. – И что в результате?

– Да ничего, перепродали мир кому-то. Я так считаю, что, будь это индиго, кто-нибудь хорошо там нагрел бы руки на секс-туризме. Так что все эти гонки про рауф, которые придумывает Огден... Рыжий, это все хрень. Полная... сам видишь, как все просто делается.

– У нас таких случаев не было, – признался Скрипач. – Хотя смешного тоже хватало. Заслали нас как-то с этим вот разыскать одного Барда, которого по недоразумению занесло в...

– Простите, что я вас прерываю, – Ит сделал шаг вперед, – но мы, кажется, должны каким-то образом решить какие-то вопросы. Я прав?

– Спокойно, псих, – посоветовал Кир. – Не переживай.

– Ит, он прав. Вопросы действительно решаются быстрее, чем мы думали. – Скрипач усмехнулся. – Мы с тобой пошли не по тому пути. Все проще.

– Не понимаю, – нахмурился Ит.

– Скажем так, мы по этому пути не ходили... ммм... – Скрипач задумался, подыскивая слова. – Не ходили, потому что у нас не было возможности. Для этого нужно...

– Мужик для этого нужен. – Кир, кажется, с тактичностью был не в ладах. – В данном случае сойду и я. А мне сойдете вы, потому что мне, если честно, фиолетово.

Ит нахмурился еще больше, посмотрел вопросительно на Скрипача, потом на Кира. Тот возвел очи горе, щелкнул в воздухе пальцами, возмущаясь, по всей вероятности, очевидной итской тупости.

– Не надо для этого в койке ничего делать, – объяснил он. – Растормозились, на три точки нажали, и через полминуты гуляй. Все. Доступно?

Ит ошарашенно посмотрел на него. Боевик продолжал смотреть ему прямо в глаза, совершенно не смущаясь. Да еще и ухмылялся при этом.

– Так и есть, – подтвердил Скрипач. – Пять-шесть раз повторить, с паузами, конечно, и пусть Огден подавится своими тестами и рассказами. Мы пробные делали, смотри сам. За три часа – по десять процентов в плюс. Кир говорит, что это пристрелочный результат, начальный, дальше будет луч-

ше. Я – верю.

– То есть, по сути, это тоже... подделка, – тихо сказал Ит.

– Тебя что, это не устраивает? – с вызовом спросил боевик.

– Меня-то как раз более чем устраивает, – криво усмехнулся Ит. – Я просто...

– Ты просто медленно догоняешь, – констатировал боевик. – Ладно, сейчас догонишь. Рыжий, ты погуляй пока что минут десять, а я ему объясню, чего и как.

– Раздеваться надо? – неприязненно спросил Ит.

– Рубашкуними и довольно. – Боевик встал.

– Слушай, сколько я спал? – запоздало вспомнил Ит. Повернулся к Скрипачу – и опешил, на сотую долю поймав его взгляд, направленный на Кира. Во взгляде было... восхищение и какая-то совершенно незнакомая радость. – Ты чего?..

– Я – чего? – удивился Скрипач. – Да вроде ничего. Четыре часа ты спал.

– А что вы делали, пока я спал?

Они недоуменно переглянулись.

– Ничего, – удивленно ответил Кир. – Что мы могли делать?

Ит промолчал. Видимо, просто показалось. Действительно, от такой жизни впору рехнуться...

– Простите, – выдавил он через силу. – Глюки какие-то, честное слово...

– Говорю же, псих, – уверенно сказал Кир. – Скрипач, вы-

метайся.

– Сгоняю за едой, – предложил Рыжий. – Трое суток тут торчать, если вы не забыли. Кому чего?

– По фигу, чего привезешь, все сгодится, – ответил Кир, стаскивая через голову рубашку.

– Ты мясо ешь?

– Ем, чего же не есть... Так, рыжий, ты еще тут?

– Раскомандовался, – проворчал Скрипач.

– Только не домой, – попросил Ит. – Смотайся к Соне, ладно?

– У Сони мяса нет.

– Блин, я не подумал. Ну тогда в учебку. Но домой не надо! Крику не оберешься...

– Жена, что ли? – нахмурился боевик.

– Типа того. – Ит решил, что в подробности вдаваться не стоит. – Ладно. Давай рассказывай, чего нужно делать.

* * *

Его звали Кир Гревис. Ему оказалось сто семьдесят лет, почти на сто лет моложе их самих; у него были кобальтово-синие глаза, темные, густые волосы; и еще – он постоянно улыбался, то больше, то меньше, словно на лице его поселилась когда-то тень затаенной радости, да так и не ушла – грустить он не умел. Казалось, уголки его губ в любой момент могут поползти вверх, и так оно и было – по малейшему по-

воду, который тому же Иту поводом вовсе не казался, Кир мог начать смеяться... и лишь позже объяснял, чему именно. Уверенный, точный в движениях, язвительный – он словно был средоточием какого-то ритма, исключаящего покой; он словно был тут и не тут одновременно – и, если окружающие были не против, они тоже попадали в этот ритм, и пространство начинало двигаться словно бы в каком-то замысловатом танце, повинувшись воле Кира Гревиса.

Ит видел: Скрипач был Киром в буквальном смысле очарован. Если существовал для их нынешней ситуации идеальный вариант, то сейчас этот вариант находился рядом.

С ним можно было главное – не думать о том, что происходило на самом деле; не разговаривать на темы, набившие оскомину, не пытаться решать нерешаемые проблемы, и не пробовать искать выходы из безвыходных ситуаций.

Трое суток они провели в домике, предоставленном Киру под временное жилье. Крошечный домик, находившийся в горном поселении, стоявшем по границе зоны Официальной службы – дальше располагалась карантинная зона, а еще дальше – жили Сэфес и Встречающие, к которым любым представителям Официальной службы без особого разрешения даже приближаться было нельзя. Это, впрочем, никого не волновало, потому что переходить границу зоны никто и не собирался.

Две комнаты, маленькая кухня да ванная – вот и весь комфорт. Перед входом – кое-как выровненная каменная пло-

щадка. А дальше – горный склон, поросший низкими, побитыми ветром кустами. Домик этот был модульным, временным, необжитым. Кир, судя по всему, обживать его и не собирался. Его присутствие в домике было обозначено снаряжением, аккуратно сложенным у стены одной из спален, да слабым запахом дыма от сигарет, которые он курил.

Сигареты, кстати, произвели на Скрипача впечатление.

– И тебя выпускают работать? – спросил он с недоверием.

– Выпускают, – пожал плечами Кир. – Почему нет?

– Но ведь курить запрещено, – напомнил рыжий.

– Вам, может, и запрещено. Но тебе не приходило в голову, что любой запрет можно обойти?

– Как?.. – с подозрением спросил Скрипач.

– Запросто! – Кир рассмеялся. – Во-первых, последствия нейтрализуются, во-вторых, я не курю при группе или при начальстве, а в-третьих... – Он запнулся.

– Ну?

– В-третьих, сигарета – часть одного из ритуалов моей религии.

– Чего? – Скрипач опешил. – Какой религии?

– Черт ее знает, – пожал плечами Кир. – Если честно, я еще не придумал. Но, не поверишь, уже для шестого начальства прокатывает.

– Ты переводился... шесть раз? – удивился Ит.

– Больше, – невозмутимо ответил Кир.

– А зачем? – удивился Скрипач.

– Так получилось.

Вопросов друг другу они почти не задавали. По крайней мере, вопросов, которые имели бы отношение к работе и к личной жизни. Это было негласным правилом: молчать. Максимум, что они друг о друге знали, так это то, что Кир Гревис – офицер одного из мобильных боевых подразделений, а они двое – агенты другого боевого подразделения. Также Кир знал, что у них есть жена и дочь. Про личное он не говорил, хотя тут и так все ясно – будь у него кто-то, он бы не срезался на тестах. Значит, одинокий.

Трое суток, которые они провели в домике, оказались неожиданно хорошими. Воспрявший духом Скрипач принялся всех кормить (он неплохо готовил), Ит привел комнаты в относительный порядок, а Кир, невзирая на их смешки и подколки, сделал совершенно невозможную вещь: смотался к транспортникам и приволок бутылку какого-то дорогущего алкоголя. Как объяснил, в пикну Огдену.

– Он нас послал сюда предаваться разврату и пороку, – объяснял Кир вечером. – Вот и предадимся по полной программе. Если на тестах вылезет остаточная фаза усвоения, я ему лично объясню, что не смог на трезвую голову и без подготовки прыгнуть в койку с первыми встречными. При чем объясню так, чтобы комиссия хорошо это расслышала.

– Не думаю, что на него это подействует, – с сомнением заметил Ит. – У него омерзительный характер. Понимаешь, с любым законом можно поступать по-разному. Можно об-

ратить его в помощь кому-то, а можно с помощью этого же закона этого кого-то опустить ниже некуда. Вот Огден как раз из второй категории. Особенно если речь идет о рауф. Когда куратором была Эдри, все было иначе.

– Огден этот ваш давно не нарывался, как я погляжу, – отозвался Кир с ласковой улыбкой. – Ну ничего. Значит, все еще впереди.

– И многие... нарывались уже с твоей помощью? – спросил проницательный Ит.

– Порядочно, – отозвался Кир.

– Тебя из-за этого переводят? – любопытствовал Скрипач.

– Нет, – мотнул головой Кир. – Так, мы пьем, или рыбу заворачиваем?

...В последний день Ит решился, и попробовал задать Киру пару-тройку вопросов, на которые ему было просто интересно получить ответы. Например, откуда взялась эта методика, и можно ли ее использовать... ммм... с помощью той же «палитры», к примеру?

– С «палитрой» не выйдет, – с сожалением отозвался Кир. – Пробовали, не прокатило. То есть сам себе ты этим способом тесты не обеспечишь. А все остальное... понимаешь, вот смотри сам. Как оно бывает в природе, соображаешь?

Ит прищурился.

– В смысле? – переспросил он.

– Объясняю. Все эти замороки «про любовь» – это разумные придумали, – улыбка Кира стала вдруг жесткой, а голос циничным. – «Замки» всякие, другие гермовские штучки... Нет этого всего в природе, у тех же животных. Все быстро, все на ходу. Жизнь такая, что церемонии, сам понимаешь, разводить некогда. Добыл пожрать, покрыл особь следующего пола, поспал часок – и снова беги, жратву добывай. Иначе что? Иначе сдохнешь. Или, что еще вероятнее, тебя прикончат. В природе у гермо нет времени полчаса в «замке» зависать, а потом еще час мозги в кучу собирать. А у мужика тем более нет времени с ним возиться – потому что ему, чтобы род сохранить, за ночь двоих-троих покрыть надо. И что получается? Вот это самое и получается. Да и у гермо особо церемониться с бабой времени нет. Тоже – покрыл быстро и рванул по делам. – Кир засмеялся. – Так что вся эта методика, она проще некуда. Феромоновый ряд присутствует? Присутствует, потому что двое, которые для этого нужны, – есть. Кнопочка? Тоже есть, причем не придуманная, а настоящая, на которую нажать можно, чтобы тело сработало. Ну и вот. Воздух понюхал – нажал на кнопку – тело сработало – полминуты, и ты в порядке. И я тоже в порядке, потому что мне на самом деле достаточно почувствовать то, что чувствуешь ты, чтобы мой организм тоже сработал, как требует момент. Это – снова феромоны, но уже не мои, а твои. Сам видишь, в койку для этого прыгать не обязательно.

– Вижу, – кивнул Ит. – Знаешь, я как-то не думал об

этом... вот так. Ведь мы эти точки тоже используем в работе. Но не для того.

– Для чего? – поинтересовался Кир.

– Блокировка, частичное выключение объекта, ограничение подвижности, – перечислил Ит. – Работает это только с рауф.

– Правильно, – покивал Кир. – Только на самом деле эти точки нужны для того, чтобы мужик мог спокойно обездвигать любого гермо, раскрыть его, как надо, и быстро сделать свое дело, причем без риска, что этот гермо дернется и оторвет ему случайно нужную часть организма. Сечешь?

– Секу. – Ит покачал головой. – Теперь-то уже конечно секу. Век живи, век учись...

– Верно мыслишь, псих. Так вот. А чтобы гермо раскрылся, есть еще одна кнопочка – ты на нее жмешь, и получается что?

– Выброс эндорфинов, разумеется. И сданные тесты.

– Верно! – Кир назидательно поднял палец и с превосходством посмотрел на Ита. – Ну, что со мной происходит, надеюсь, понятно.

– Ты ловишь этот выброс и, видимо, тут же выдаешь ответный.

– Так и есть, – подытожил Кир. – И не хрен было устраивать трагедии на пустом месте и сидеть задницей в луже.

– И ты снова прав. Ты раньше тесты так же проходил?

– Я их вообще проходил последний раз семь лет назад, –

неохотно ответил Кир. – Да, так же. Потом... потом у меня был отвод. Но в этом году он закончился.

Ит видел – говорить Кир категорически не хочет. Поэтому настаивать на продолжении разговора он не стал. Дальше просто сидели, трепались ни о чем, поджидая зависшего в ванной Скрипача (что он там делает? ты не поверишь, но он моется), а потом, уже вечером, втроем направились в Центр.

И сдали все положенные тесты.

С первого раза.

* * *

Им пора было за снаряжением, домой, а Киру еще сутки предстояло провести в своем домике, но теперь уже одному – он ждал, когда вернется с тренировки часть его группы.

Дошли вместе до стоянки флаеров, подозвали платформы.

– Счастливо! – Рыжий улыбнулся, махнул рукой. – Может, еще пересечемся.

– Это как получится, – пожал плечами Кир. Ухмыльнулся, по своему обыкновению. – Куда пошлют.

– Удачи! – Ит улыбнулся. – Мы сегодня выходим.

– Да я понял... ладно, ребята! Бывайте...

Их флаер взмыл в воздух, и через минуту Кир уже не мог различить крошечную точку в надвигающейся на степь тьме. Он встал на свою платформу, мазнул пальцем по управле-

нию – флаер взмыл в воздух, и понесся обратно, в сторону недалеких гор. Лететь было минут десять. Кир сел, сжался, обхватил себя обеими руками – почти так же сидел у стены Ит, разве что стены сейчас не было.

«Может быть, в этот раз», – думалось ему.

Если будет та отработка, о которой говорилось, – вполне может получиться. И тогда... тогда все кончится.

По крайней мере, для него самого точно кончится.

Невозможно это – вот так.

Без того, кто делает жизнь настоящей – невозможно.

И зачем я так себя повел? Грубость эта... «животные», «покрыл», «бабы», «гермовские штучки»... сто лет не видел нормальных семей, в которых кто-то кого-то любит... да если вдуматься, раньше тоже не видел. Родители... столько лет прошло, и даже лица их уже давно выцвели в памяти, и ничего почти не сохранилось – только какой-то смытый стоп-кадр, как оба отца держат на руках маму, одновременно, а она смеется и пытается взъерошить волосы тому, что стоит справа...

И вот эти двое – сейчас. Кнопочку, говоришь, нажал? А что у тебя в душе сейчас нажато и кто это сделал? Сам?

Да нет, конечно. Невозможно. Выискался тоже. Не умею я так, как они – говорить без слов одними глазами, например. Да ничего я не умею. И не с кем мне это уметь.

Мальчик, пожалуй, умел... да и то, не так как-то он это делал.

Кир нахмурился. Флаер, оказывается, уже давным-давно висел возле домика, но Кир продолжал сидеть в той же позе, обхватив руками колени.

Мальчик вел себя иначе. Мальчик умел очень тонко презирать весь окружающий мир, и было в этом презрении какое-то свое, неповторимое и ни с чем не сравнимое очарование. Но не более того.

– К черту, – беззвучно произнес Кир в пустоту. Слез с флаера, оттолкнул платформу ногой. – Пошло оно все к черту. Хватит.

Главное – получилось сдать тесты.

Последнее препятствие преодолено.

Путь на Терру-ноль был открыт.

Москва

Институт им. А. Конаша

Через сорок лет

Для того чтобы бывать на Терре-ноль почаще, у них на самом деле была еще одна причина, но настолько тайная, что о ней не знала даже Маден. И даже друг с другом они об этой причине не говорили. Хотя бы потому, что причина эта обсуждению не подлежала.

По дороге через город Скрипач купил для приличия огромный букет чайных роз, а Ит разжился вчерашней газетой, чтобы этот букет получше завернуть. Затем заглянули в Елисеевский (чтобы это сделать, добрались катером до Кремлевской пристани, у моста, и прогулялись пешком), купили бутылку дорогого шампанского, две водки, коробку вызывающе роскошных конфет и колбасы, которая к водке еще туда-сюда, но к шампанскому – никак. Пришлось отстоять очередь за сыром, которую стоял в результате Ит, Скрипач же, забрав у него снаряжение, цветы, и то, что уже успели купить, отправился на улицу – дышать воздухом, по его собственным словам.

Когда Ит, держащий в руках пакет из крафт-бумаги, вышел на улицу, он обнаружил Скрипача у стенда с наклеенной свежей «Российской правдой». Газету остановились по-

читать еще несколько человек, но рыжий, разумеется, протиснулся ближе всех.

– Сыр купил? – поинтересовался он, не оборачиваясь.

– «Рокфор», – доложил Ит. – Пойдем, жарко.

– Ага, сейчас, – рассеянно отозвался Скрипач, продолжая просматривать газету. Он смотрел первую страницу – политическая обстановка, достижения и прочее, а те, кто читал газету вместе с ним, перешли на другую сторону стенда – читать новости культуры и спорта.

Ит подошел поближе, тоже глянул на газетный лист, на котором в некоторых местах проступали сырые пятна – клейстер еще не успел высохнуть.

«Напряженная международная ситуация на Ближнем Востоке», – прочел он. Так, понятно. Ну, это тут обычное дело. Что еще?

«Польша отказывает Германии в разрешении на размещение «Вихрей» на ее территории, нарушая пакт о добровольном взаимовыгодном сотрудничестве». Невесело. «Вихри» – это, ребята, совсем невесело. Потому что это конвенционное оружие, и, что говорить, России в Польше такие подарки не нужны. А Польша как всегда умудрилась оказаться между двух огней... и упустила тот единственный шанс, который у нее был. Черск она упустила. Фигово. Так что от «Вихрей» полякам не отвертеться. И будет у нас на границе торчать оружие Белого Альянса...

«...вопрос о поддержании дальнейшей временной син-

хронизации. Установленный срок истекает через десять лет, и уже сейчас идет дискуссия о заключении нового международного пакта о сотрудничестве, а также по вопросам создания нового глобального соглашения и необходимости...» Куда они денутся. Будет и пакт, и соглашение, и новые попытки протащить сюда что-то из технологий. Это слишком выгодно – всем, чтобы ссориться на эту тему.

Для ссор найдется что-то еще...

Практически сразу после первого контакта, произошедшего после возвращения на Орин Ита и Скрипача, Терру-ноль удалось синхронизировать по времени с «внешним миром», замедлив время системы в шесть раз. Делали это в результате Эрсай, потому что ни один Контролирующий с поставленной задачей справиться, как выяснилось, не мог. Терра-ноль была – и ее одновременно не было. Парадокс? Конечно. Но факт оставался фактом – звездная система оказалась недостижима для воздействия Контроля. Хотя потому, что, являясь частью множества мегасиуров, она фактически не принадлежала ни одному. И попасть сюда Контролирующие могли лишь при последнем издыхании. Их можно было вывести отсюда (тех, что соглашались продолжить жить), но живого и здорового Контролирующего имеющиеся на планете шесть рабочих точек не пускали. Точно так же они не пускали ни Встречающих, ни Связующих, работавших с Сетью – исключение делалось только для тех, кто потерял экипаж или Барда... но таких были единицы, на всей

Терре сейчас работало семеро «сирот»: трое бывших Связующих, и две пары Встречающих. Впрочем, их называли не только «сиротами». Еще и «ангелами смерти» называли – их команда вместе с медиками, как приезжими, так и местными, работала на площадках прибытия...

Ит досадливо поморщился – а ведь придется работать с ними, придется, хочется того или не хочется. Как минимум, три вылета, группа прикрытия, или разведка, или и то и другое сразу. И, с высокой долей вероятности, три возвращения – снова прикрывая. Но уже отход группы, которая будет увозить мертвое тело. Господи!.. Таких, как Безумный Бард Сон де Ири, за все сорок лет было всего шестнадцать человек. Остальные предпочли «уйти»...

«...старейший российский завод, оснащенный уникальными техническими достижениями, полученными...» Ага, ну с этим-то как раз все ясно. Внесли новое дополнение в пакт и переоборудовали машиностроительный. Жаль, что на мирной технике это почти не скажется.

«Обращение к жителям приграничных районов. В случае обнаружения незаконного проникновения...» Здравствуй, параноя. Хотя как знать. Сумели же двадцать лет назад мальчишки-рыболовы предупредить диверсию? Сумели. До сих пор загадка, как один из них умудрился увидеть «Ската», несущего на борту пятнадцать немецких десантников, и понять, в каком направлении подлодка движется. Проверяли их долго, в том числе и официалы, но все оказалось чи-

сто – просто мальчишка вырос на море, вот натренированное с малолетства зрение и не подвело. Мелькнула тень, а он заметил.

Дружественная Украина сейчас с Россией не просто в хороших отношениях. В замечательных. Причина простая: страна маленькая, не прикрывай ее Россия, ее бы давно сожрали с потрохами – есть кому.

– Может, сала купим копченого? – поинтересовался Скрипач.

– Завтра, – решительно ответил Ит, взваливая на плечо тук со снаряжением. В тюке металлически брякнуло. – Рыжий, идем! Тридцать градусов жары, а еще только двенадцать дня. И неизвестно, починили колонку или нет. Я лично хочу успеть помыться.

– Я им не почию, – с угрозой в голосе процедил Скрипач. Подхватил свой мешок, сунул Иту букет, и они направились обратно к набережной.

Проще всего было сесть на катер маршрута «К-01», кольцевой, ходивший от Киевского причала до шлюзов в Печатниках. Перешел дорогу, и ты уже дома.

Катера ходили часто, каждые двадцать минут, и швартовались по левому берегу. Нет, дойти пешком тоже не составляло труда, но вот чего точно не хотелось, так это тащиться до работающего моста через Яузу. Тот, что шел по набережной, был на ремонте, и через него сейчас не пускали – об этом их предупредил еще в Домодедово кто-то из знакомых

по институту.

Так что, как говорится, кривой дорогой ближе.

* * *

Разумеется, пошли к себе.

По дневному времени в жилом подъезде высотки на Котельнической, где располагалась их квартира, было совсем пусто, большая часть аспирантов сейчас находилась на работе. Гулкий коридор отозвался их шагам нестройным отраженным эхом, метнувшимся от стены к стене, и замершим, когда они ступили на истершуюся ковровую дорожку, ведущую к площадке. Поднялись на лифте на свой этаж, Скрипач активировал встроенный в дверь сенсор, заменивший ненадежный замок. Вошел, споткнулся о порожек, чертыхнулся сквозь зубы.

Ит последовал за ним.

За три года их отсутствия квартира, конечно, уютнее не стала. Повсюду была пыль – и на подоконнике, и на столе, заваленном старыми пожелтевшими на солнце бумагами, и на вылинявших шторах. В углу, как успел заметить Ит, виднелась темная пыльная паутина. Он положил снаряжение на пол, перешагнул через него, прошел в ванную. Кран подтекал, и на серовой эмали ванны появилась ржавая дорожка. Пахло застоявшейся несвежей водой, сыростью – сразу же кольнуло воспоминанием, и немного, совсем немного, сда-

вило виски легкой болью.

Долго же пришлось потом лечиться... Всю голову искромсали. Ит хорошо помнил недоумение врачей: как, вы в таком состоянии еще и работали? Девять сложнейших операций, три года в общей сложности на реабилитацию, временное ограничение на задания, реставрация метаморфозных форм. И недоумение, искреннее недоумение Орбели – ты правда хочешь обратно? Но почему?!

Ит улыбнулся.

Я очень хотел обратно. И рыжий очень хотел обратно.

Ну вот, мы снова... опять здесь.

Привет, «обратно».

Я скучал.

Всегда скучаю.

Как же я рад...

– Кран отвалился на кухне, – сообщил Скрипач. – Зато колонка работает.

– Как – отвалился? – не понял Ит. Он все еще думал о своем, и на лице у него была все та же счастливая рассеянная улыбка.

– Прогнил, по всей видимости. – Рыжий тоже вошел в ванную, держа на вытянутой руке пыльный и грязный чайник. – Так, я помою на кухне и вскипячу воды, а ты смотайся в кулинарию и купи заварку, сахар и коржиков. С творогом.

– Может, в столовую?..

– Лентяй, – упрекнул его Скрипач. – Разбежался, в столо-

вую. Квартиру мыть будем. Хорошо, я хоть бельё догадался в пакеты убрать! Иди, иди, чего стоишь? Тебе лишь бы ничего не делать.

* * *

В ванну набрали холодной воды и положили в нее розы – чтобы не завяли. Кран Скрипач сумел выклянчить у коменданта, переплатив за него вдвое. До вечера мыли и чистили, отскабливая квартиру от трехлетней грязи. Потом мыли окна. Пузырек нашатыря нашелся под ванной, а газеты Ит принес из ларька «Союзпечать», стоявшего на набережной Яузы, в некотором отдалении от высотки. Сразу стало значительно светлее – пыльный полумрак исчез вместе с грязными потеками воды на стеклах. Шторы, правда, решили пока не трогать – стирать их было негде, в ванне сейчас плавали цветы.

К вечеру квартира приобрела более или менее жилой вид – по крайней мере, пылью и запустением в ней уже не пахло, а пахло теперь свежесваренным чаем, коржиками, мылом и чем-то еще, неуловимым и приятным – видимо, жизнью.

Ит сидел на кровати и рассеянно просматривал старые бумаги, которые перекочевали со стола на эту самую кровать на время мытья окон. Скрипач протирал ветхой тряпкой подоконник.

– Чего читаешь? – поинтересовался он.

– Да так... – Ит неопределенно хмыкнул. – Тут старье по этой сетке... несусветное. Наверняка Берта с группой уже порядочно успели продвинуться.

– Скорее всего, – согласился Скрипач. Поднял с пола таз с грязной водой, ушел в ванную. Через полминуты вернулся, вытирая руки серым застиранным полотенцем. – Свиньи мы все-таки. Эгоистичные, – добавил он.

– Маден? – горько спросил Ит, хотя и так все было понятно.

– Угу, – кивнул Скрипач. – Совести у нас нет. Бросили ребенка...

– Рыжий, она взрослая уже. – Ит отложил бумаги. – Я тоже хотел дожидаться. Но...

– Вот и «но». – Скрипач печально усмехнулся. – Такое вот «но». Ну что это за жизнь, а? Почему нельзя, чтобы все было хорошо?

– Не знаю. – Ит вздохнул. Отложил бумаги в сторону. – Хватит про это думать. Пошли чаю выпьем.

– С водкой.

– Рыжий...

– Ну хорошо, хорошо, без. – Скрипач скривился. – Но ты на секунду себе представь... я же ее в морозилку запихнул еще в час дня. Ледяная. И колбаски... А потом чаем это дело лакировать...

– Сука, – с чувством отозвался Ит. – Мертвого уговоришь. Ладно, давай. По рюмке.

– За то, чтобы с Маден и мальчишками все было хорошо, – со значением добавил Скрипач. – За это сейчас ну просто грех не выпить.

– Лишь бы водка была, а повод найдется, – сардонически усмехнулся Ит. – Конечно, конечно. А потом будет вторая рюмка – с прибытием. И третья – чтобы не в последний раз. И четвертая – за успех нашего безнадежного дела. И пятая – за Бертика с группой. И шестая – за нас с вами, и за хрен с ними. И седьмая...

– Бутылка кончится, седьмая, – ухмыльнулся Скрипач.

– А у нас вторая есть, – отозвался Ит.

– Ой, да иди ты...

* * *

Бутылку прикончили еще засветло. В восемь вечера засобирались – Скрипач кое-как вытащил из ванны розы, попутно исколов руки шипами; Ит сунул в рюкзак шампанское, сыр и вторую водку.

– Коржики возьми, – посоветовал Скрипач, заворачивая розы обратно в газету.

– Да ну, – отмахнулся Ит. – На утро оставим.

– Тогда ладно... Блин, ну неужели нельзя вырастить какой-нибудь неколючий сорт?! – вызверился Скрипач. – Что за...

– Давай я. – Ит сунул ему рюкзак, разложил газеты на по-

лу.

Сейчас ему было очень хорошо. Немного шумело в голове от выпитого, слегка сбоила координация – но это ерунда, если сравнивать с появившимся теплом и покоем. Мысль о Маден, оставшейся в обществе Орбели, грызла гораздо меньше, мысли о работе, ради которой они сюда, собственно, и прибыли, вообще витали где-то очень далеко, и сейчас, в данную минуту, он ощущал то, ради чего стоило, пожалуй, потерпеть и все остальные мысли, и эти унижительные тесты, и прежнее отчаяние.

Он наслаждался минутой.

За чистым окном – тихий, ласковый московский вечер, летний, неспешный. Огромная мирная река, ленивые головы, иногда – шум проезжающих машин. Внизу, скорее всего в кулинарии, играет плохо различимая мелодия. Продавщицы, отпустив основных клиентов, слушают радио. «Только с тобой... свиданья с чистой и невинной судьбой... и васильковые глаза предо мной... сияют ярче, чем огни... Ты вдохновение мое... И я обязан сохранить...» Какое-то танго, скорее всего что-то новенькое. Давно не были, давно, и поэтому сейчас особенно хорошо – вот так.

– Ты заснул, что ли? – мрачно спросил Скрипач из прихожей.

– Сейчас, – отозвался Ит, поспешно заворачивая свежие упругие розы в промокшую газету. – Уже иду.

«Мы дома, – подумал Ит, идя следом за Скрипачом к лиф-

ту. — Как это ни парадоксально, но мы и в самом деле дома. Ну, или почти дома. Казалось бы, при чем тут прежняя инкарнация?»

* * *

Они слишком хорошо знали ее расписание, чтобы приходить раньше восьми. Это не имело смысла. Роберта Ольшанская, ныне занимавшая должность начальника отдела структурного анализа и являющаяся почетным академиком института им. А. Конаша, раньше восьми дома не появлялась никогда. После работы, заканчивающейся в шесть, она наскоро ужинала в столовой, а затем отправлялась или обратно, в свои лаборатории, или на какие-нибудь совещания, или в переговорную, для беседы с сотрудниками из отдаленного филиала, или... впрочем, это было неважно.

Домой Роберта уже давно не спешила.

Потому что не было смысла спешить.

Дома ее никто не ждал.

Уже очень много лет Роберта Михайловна Ольшанская жила одна в своей роскошной трехкомнатной квартире на двадцать первом этаже «централа» высотки на Котельнической. Эти квартиру ей сгоряча дали тридцать девять лет назад — вместе с государственной премией, вместе с докторской степенью, которую она получила в обход кандидатской, вместе с должностью в Официальной службе, вместе с пол-

ным пакетом социальных и медицинских услуг.

Все они тогда испытывали воодушевление и подъем. Роберта, в которой на короткое время проснулись совершенно ей несвойственные женские желания, даже немного исправила форму носа и подкорректировала фигуру, по ее словам – помолодела и похудела.

Однако дальше дело не пошло.

Слишком много было работы.

А потом...

* * *

Все открылось пятнадцать лет назад. Тогда они в очередной раз выклянчили правдами и неправдами назначение на Терру-ноль, наскоро закупили подарки, и приехали. Дома предстояло пробыть неделю, дальше их ожидала работа инструкторами в одном из базовых адаптационных лагерей Официальной службы. Три месяца поистине райской жизни – лучше любого отпуска. Тогда еще была жива Эдри, которая могла отдать такое назначение им двоим.

...Теперь подобные сказочные назначения доставались только людям...

Первый раз встретились с Робертой на следующий день, наскоро, в холле первого этажа; с трудом уговорили подождать десять минут; Скрипач смотался домой, притащил ей сумку, в которой лежали «сувениры» для нее и для Гриши.

Ит еще в тот момент обратил внимание, что улыбается она несколько напряженно, но спрашивать не стал, все они в тот момент торопились. Ночью Скрипач куда-то исчез и вернулся лишь под утро, сонный, задумчивый и немного пьяный.

– Где тебя носило? – упрекнул его Ит, справедливо подозревая, что рыжий, по своему обыкновению, решил навесить грузчиков и завис с их веселой компанией.

– Ммм... я был у нее, – сообщил Скрипач негромко.

– Что?! – Ит аж задохнулся от возмущения. – Ты охренел? Рыжий, опомнись, что ты делаешь?! Она же замужем и...

– Уже нет, – хмыкнул Скрипач. – Теперь уже нет.

– Как?..

– Ну вот так. – Скрипач сел на кровать рядом с Итом, строго посмотрел на него. – Тут, понимаешь, такое дело...

– Не понимаю, – покачал головой Ит. – У них же все нормально было.

– Нормально и есть, – пожал плечами Скрипач. – Именно, что нормально. Только он уже почти два года живет во внешке, а с ней даже не связывается.

– Он ее бросил?

– Да нет, – дернул плечом Скрипач. – Просто разошлись. Берта говорит, что ничего не осталось. Не сразу, постепенно. Он ведь ушел не к кому-то, а просто ушел – от нее.

Ит покачал головой.

– Я до сих пор помню, как она тогда радовалась, – еле слышно произнес он. – Ведь ей же очень этого хотелось...

– Да, все так, – согласился Скрипач. Стащил ботинки, забрался на кровать. – Тогда радовалась. А сейчас... Ит, я за нее испугался. Она... из нее словно воздух выпустили. И это не из-за Гришки, это почему-то еще.

– Вы...

– Ну да, мы, – огрызнулся Скрипач. – Да, да, да, если для тебя это настолько важно. По старой памяти. Только знаешь, мне кажется, что с нами то же, что и с ней. Что-то в нас перегорело. Или сломалось.

Ит задумался. Возможно, рыжий прав – действительно, так и есть. И перегорело, и сломалось, и износилось. Радость, пожалуй, была только от Маден, все прочее, весь остальной мир словно выцвел, потерял смысл и значение. Он вспомнил свои прежние аналогии, ту же ледяную глыбу, заполнившую собой душу, и его словно кольнуло изнутри – уж больно неприятным оказалось открытие.

– Рыжий... – прошептал он едва слышно. – Знаешь... черт-те что. Это не ты меня тогда спас. Это я тебя тогда убил. И ее убил. И...

– Чего? – опешил Скрипач.

– Ты же сам видишь. Пустота. Мы все снова оказались в пустоте. – Ит сел, запустил руки в волосы. – Даже Ри, и тот оказался, ты заметил? У него вообще главная цель в жизни – прятать Джесс от Марии. Бродит как тень, оживает только тогда, когда к Джесс собирается. Что мы наделали, а?..

– Ты о чем сейчас? – не понял Скрипач.

– Мы ошиблись, – с ожесточением ответил Ит. – Мы все трое ошиблись. Фатально. И теперь...

– В следующий раз я тебя будить не буду, – пообещал Скрипач. – Ложись. Развел демагогию, слушать тебя тошно. Ложись, говорю. Все. Поболтали.

– Ты не понимаешь.

– Да все я понимаю. – Скрипач со вкусом зевнул. – Смысл жизни потеряли, угу. И чего теперь? Удавиться?

Ит не ответил.

В этот момент он стоял на краю черной пропасти, и смотрел вниз – в тщетной надежде разглядеть хоть что-то. У пропасти не было дна, и второго края тоже не было.

Но понимать это он начал только теперь.

...Через месяц Ит привез в Москву свою группу – на экзаме́н. Рыжий остался в лагере. Уже была осень, холод (хотя какой тут холод, если разобраться, разве плюс пять – холод?), да еще ко всему полетел движок у катера, и они полтора часа проторчали на реке, дожидаясь вызванного буксира. Отправив группу в гостиницу, Ит поплелся домой – он основательно продрог, устал, а дома, он помнил, был коньяк и банка тушенки. Магазины по позднему времени, конечно, позакрывались. «Что-то мы стали много пить, – безучастно думал он, бредя по промозглой мокрой набережной под мелким дождем, – безобразно много стали пить. Раньше такого не было. И поводы мы теперь находим очень ловко. Сейчас, например. Замерз – уже повод. Замерз, устал, перенервни-

чал... С Орбели поругались, дочь в университет уехала, погода плохая... Черт, стыдно. Очень стыдно, но ведь там действительно стоит полбутылки неплохого коньяку, и почему нет, собственно, ведь никто не узнает».

Перед тем как идти к себе, Ит решил заглянуть в холл «центра», посмотреть на свой любимый плафон, картину на потолке – трое детей и самолетик. Что-то в этой картине было, он и сам не мог понять, что именно. Может быть, дети на ней оставались детьми. Может быть, там всегда было теплое и спокойное лето. И небо – невинное и навеки чистое. И радость – которую невозможно смутить ничем.

...Когда-то в этом холле его избил Рыжий. Хорошо избил, и за дело... Может быть, это тоже имело какое-то значение, но сейчас Иту было все равно – он и так очень редко позволял себе такие свидания с этой картиной, чтобы думать о том, что было когда-то, и пробовать что-то анализировать.

Уже на выходе он столкнулся с Робертой. Та стояла перед дверью, отряхивая воду со старого, потрепанного зонта. Светлый плащ совершенно промок, Ит вдруг с удивлением понял, что Роберта, по всей видимости, долго шла под дождем без всякого зонта вовсе.

– Привет! А что ты тут делаешь? – удивилась она, заметив Ита. – Вы разве не в лагере?

– В лагере, – кивнул тот. – Группу привез на экзамен, а сюда зашел... просто так.

– Ясно.

– А ты что делала на улице? – запоздало сообразил Ит.

– Я? – Ему показалось, что она слегка вздрогнула. – Гуляла. По набережной. На реку смотрела... ну, просто захотелось пройтись.

От этих слов веяло одиночеством. Таким безнадежным и пустым, что Ит поежился, словно от холода. Кажется, она не заметила.

– А пойдем ко мне, – вдруг предложил Ит. – Коньяку выпьем, поболтаем.

– Лучше уж ко мне, – решительно ответила она. – Я из Херсонеса привезла просто замечательный портвейн, он у меня с лета стоит, дожидается случая... Идем, идем. – Она взяла его под локоть и потащила к лифту.

– Берта, а поесть что-то... да подожди, дай я к нам сбегая, тушенка и...

– Есть у меня тушенка. А еще можно гречку сварить и лука пожарить.

Он сдался.

А почему, собственно, нет?

Кому она к черту нужна, эта дешевая доморощенная мораль, от которой, если вдуматься, никому ничего хорошего? Да и потом неизвестно... портвейн, опять же... и как же, черт возьми, хочется съесть чего-то горячего... В лифте она взяла его за руку, потом зачем-то положила ладонь на лоб.

– Ты чего? – засмеялся он.

– По-моему, ты простыл, – серьезно ответила она. Осу-
ж-

дающе покачала головой. – Говоришь, завтра экзамен?

– Ну да, – он все еще не понимал.

– Ну так вот. Сдается мне, его без тебя найдется, кому принимать. – Она не выдержала и тоже расхохоталась. – Ит, и не надейся. Никуда я тебя до послезавтра не отпущу.

– Э-э-э... – Ит растерянно посмотрел на нее. – Ты серьезно?

– Уж куда серьезней. Я утром позвоню в комиссию и скажу, что ты заболел. Все, не спорь.

– Ладно. – Ит слишком долго ее знал, и то, что спорить действительно бесполезно, знал тоже. – Уговорила. Так что у тебя за портвейн такой?

...Встречались они нечасто, только тогда, когда позволяла работа. Берта на встречах не настаивала и ни перед кем свое присутствие в их жизни не обнаруживала. Изредка она бывала и у них дома, но там отношения всегда были сугубо деловыми: ведь дома постоянно был кто-то посторонний, да и на Орине эту связь вряд ли бы одобрили. Негоже рауф иметь подобные отношения с людьми, это против правил, против законов.

Но тем не менее это было.

С год назад оба начали понимать, насколько сильно этого порой не хватает – не секса, конечно, нет, не в нем дело, хотя, что тут спорить, это тоже приятно. Не хватает – ее. Именно ее, со всеми странными и порой смешными привычками, с запущенной квартирой, с окном кухни, выходящим в закат,

с потемневшим от времени серебром, с ветром на балконе, с уютными креслами, с настольной лампой под зеленым абажуром и со всем прочим, таким же вот странным, неуловимо существующим, значимым и незначимым одновременно.

* * *

К двери, обитой темно-коричневым дерматином, Ит подошел первым – он нес букет. Скрипач, с предательски позвякивающим рюкзаком, шел следом, что-то тихо напевая себе под нос: как определил Ит, ту самую мелодию, которую они слышали, когда убирали квартиру. Ит нажал на кнопку, раздался приглушенный звонок.

– Слушай, сегодня у себя ночуем, да? – спросил Скрипач.

– Как скажет, – пожал плечами Ит. – Все зависит от степени... ммм...

– От степени соскученности, – захихикал Скрипач. – У меня, знаешь ли, какое-то странное ощущение.

– Какое? – рассеянно спросил Ит.

– Про этот год. Словно он в некотором роде переломный.

– Снова предложение будешь делать?

– Буду, – кивнул Скрипач. – А ты?

– А что я? Всеми руками «за», ты же знаешь. Вопрос в разводе, но сейчас...

За дверью раздались торопливые шаги.

– Ладно, потом про это поговорим. – Скрипач подтянул

повыше лямку рюкзака. – Сделай мажорное лицо и вытащи цветы, идиот.

– Блин. – Ит принялся поспешно разворачивать газету. – А раньше почему не сказал?!

– Потому что я пьяный, – хмыкнул Скрипач.

– Все, заткнись. – Ит выпростал букет из газеты.

Щелкнул замок.

– Итак... – трагическим шепотом начал Скрипач.

Дверь открылась.

– Привет. – Ит улыбнулся и сделал шаг вперед. – Ну вот мы и...

Он осекся.

Она стояла в проеме, держась рукой за истершийся косяк, и неподвижно смотрела на них – смотрела так, что оба, одновременно, ощутили, как слетает напрочь недавний хмель. Скрипач оттеснил Ита плечом, протиснулся в прихожую.

– Берта, что случилось? – с тревогой спросил он.

Да у нее же руки трясутся!

– Господи... – прошептала она еле слышно. – Господи, как хорошо, что вы приехали...

* * *

Прослушки стояли где только можно. В кухне, в ванной, в гостиной, в спальне. Еще через полчаса Ит наткнулся на еще одну следающую систему, на этот раз – новейшего образ-

ца, такие системы они изучали всего лишь полгода назад. «Фрагменты», размером в тысячную долю миллиметра, замещали собой часть стены между гостиной и спальней.

Сейчас они разыгрывали сцену «надо бы сделать ремонт» – бродили по квартире, колупали в разных местах обои, постукивали по рамам, со знанием дела кивали друг другу. Берта сидела с ногами в старом продавленном кресле и, сделав максимально невозмутимое лицо, сетовала на полуразвалившуюся квартиру – все надо менять, ну вот буквально все. И обои отслаиваются, и паркет потерся, и штукатурка чуть ли не на голову падает...

– Да, да, да, – кивал Скрипач. – Я бы еще, знаешь, сменил на кухне кафель. Туда бы лучше «кабанчик» поставить вместо этого голубенького убожества. Знаешь, Бертик, давай того... сейчас гулять поедem, как договаривались, а завтра смотаемся в Марьино и пошуршим с мастерами. Хватит в помойке жить. Книги только надо будет вывезти, а то изгваздают побелкой, не отчистим потом.

– И мебель, – вмешался Ит. – С мебелью тоже надо что-то решить. Можно попробовать простынями позакрывать. Или снять на месяц склад, и туда ее...

Мебель была основательно «заражена», часть предметов, как они успели определить, тоже являлась, по сути дела, элементами следящей системы.

Берта кивала.

– Как-то это незаметно получилось, – с досадой сказала

она. – Вроде было ничего, а как-то раз зашла в ванную, и мне на голову прилетел кусок штукатурки с потолка. Хорошо хоть небольшой, но шишка все равно...

– Ясно. – Скрипач недовольно поморщился. – Плохо, что у нас в Москве только неделя. Хотя, думаю, можно будет с комендантом договориться, он проследит. Ты ведь с нами?

– По всей видимости, да. Томанов подписал командировку. – Берта коротко глянула на Ита, тот едва заметно кивнул. – Ну что, мальчики? Я переодеваюсь, и пошли?

– Давай. Я только розы поставлю. – Скрипач стащил со шкафа большую китайскую вазу. – Ит, набери водички.

– Это называется «я розы поставлю», – проворчал Ит. – Совести у тебя нет. Берта, мы рокфора взяли и колбаски. Может, еще чего на закусь сообразить?

– В холодильнике глянь, – донесся из спальни ее голос. – А! Хлеба, хлеба возьми!.. Только нарежь, не ломать же его руками...

* * *

– Так, стой, – приказал Ит, когда они вышли из высотки. – У тебя спина испачкалась.

Такого хамства, как «зараженная» одежда, они не ждали, но факт оставался фактом: Берту «пасли» и на улице тоже. Одним движением руки Ит снес к чертовой матери последний фрагмент прослушки, и тут у Берты сдали нервы уже

окончательно — она, спотыкаясь, добрела до парапета, села на низкую каменную приступку, и разрыдалась.

— Ну-ну-ну, — бормотал сочувственно Скрипач, глядя ее по плечам. — Ну все, все. Бертик, ну ты что? Ну ладно тебе...

— Что — «ладно»? — осадил его Ит. — Пусть плачет. Лучше плакать, чем в себе таскать... Берта, это давно началось?

— Полгода... — Она всхлипывала, уткнувшись Скрипачу в плечо. Ит сел рядом и погладил ее по голове. — Ребята... тему закрыли... я... о, боже... мы сейчас... сидим над расчетами... сеток... которые никому не сдались ни разу... А тема...

— Что — закрыли? Подожди. Берта, давай так сделаем, — попросил Ит. — Сначала ты на меня посмотришь, хорошо?

— И на меня, — вставил Скрипач.

— И на рыжего, — согласился Ит. — Потом рыжий сбегает за лимонадом... ведь сбегает, да? Скрипач, десять минут до закрытия кулинарии, давай рысью. Потом ты выпьешь лимонада, мы уйдем куда-нибудь и нормально поговорим.

— Лучше... водки, — попросила она.

— Водка будет потом, когда мы дойдем до какого-нибудь подходящего места. — Ит посмотрел вслед Скрипачу. — Рыжий, прихвати еще бутылку, если продадут, — негромко произнес он. — Так. Ночуешь сегодня у нас. Завтра... что бы такое изобразить... вещи брать нельзя, понимаешь? Вещи придется новые... Берта, над тобой сейчас кто живет?

— Профессор Родченко с семьей. Но они на дачу уехали,

их до октября не будет.

– Отлично. – Ит улыбнулся. – Тебя... зальют. Лопнет труба. Будет много крика, шума, тарарама, но зальют тебя основательно, а у тебя, как ты сама знаешь, командировка на носу. Поэтому ты поскандалишь и уедешь. Вместе с нами.

– В «Бор»? – Берта вытерла глаза.

– А нас в «Бор» направляют? – удивился Ит. – Я и не знал.

– Ваше назначение у Томанова. – Она глубоко вздохнула. – Первые полгода вы работаете под ИВК...

– Ну и слава тебе, Господи. – Ит улыбнулся. – Не совсем понял, правда... но ладно. Это потом. Завтра, пока ты будешь скандалить, мы кое-куда сходим.

Берта криво усмехнулась.

– В «кое-куда» я уже ходила. – Ит видел, что она изо всех сил старается успокоиться, но получается неважно.

– И? – спросил он.

– И они сказали, чтобы я ничего не трогала. – Она опустила голову на руки. С полминуты молчала, потом глубоко вздохнула, подняла голову – лицо было уже почти спокойным. – Слушай, а может, нам на Ленинские горы махнуть сейчас?

– Тогда надо или нанять лодку, или попробовать завести нашу. – Ит задумался. – Три года простояла. Если получится, то без вопросов.

Скрипач вышел из-за угла, и, что-то недовольно ворча себе под нос, направился к ним.

– Ты чего ругаешься? – с упреком спросил Ит.

– Того, блин! Твоей милостью я весь день сегодня хожу и звякаю!.. Сколько можно заставлять меня таскать бутылки?

– Хм. Вообще-то, ты сам не хотел нести цветы, потому что они колючие...

* * *

До Ленинских гор добрались засветло – верная «Сарепта», несмотря на свой почтенный возраст, завелась запросто, а на полке в эллинге отыскалась почти полная канистра топливной смеси. «Сарепта», конечно, была не та, что утонула сорок лет назад в Черном море. Другая. Купили ее по случаю, исключительно из ностальгии, потихоньку привели в порядок, а после использовали нечасто, тратя больше времени на ремонт и доводку, а не на речные прогулки. Некогда было гулять. В этом же эллинге, к слову сказать, держали еще и мотоцикл – его купил Скрипач во время обменной поездки во Францию. Мотоциклом пользовались еще реже, чем лодкой: в Москве ехать на нем было практически некуда, поэтому если его и пускали в дело, так только в Подмосковье, когда выпадали случаи пожить на тренировочных базах. «Рено Тревл», темно-зеленый, изобилующий хромированными деталями, сейчас стоял укрытый толстым брезентом, из-под которого виднелись только колеса...

Дошли до пристани, что после моста, пришвартовались на свободном месте. Лодок было много, погода благоприятствовала прогулкам и купанию, и под вечер на набережной было весьма оживленно. Чистое, прозрачное небо, тепло, солнце садится за город, откуда-то с набережной тянет дымком...

– Дикари сосиски жарят, – хмыкнул Скрипач. – Ну что за ассоциации? Если на природе, то обязательно надо, чтобы жареное мясо. Люди, что скажешь.

– А то рауф лучше, – поддел его Ит. – Приедем в «Бор», так там каждый вечер кто-то будет что-то жарить. Первый раз, что ли?

– Куда пойдем? – поинтересовалась Роберта.

– Наверх куда-нибудь, – предложил Скрипач. – Куда этим, с сосисками, лень залезать. Поговорить надо...

Роберта и Ит синхронно кивнули.

– Давай рюкзак, позвякаю, – предложил Ит безнадежно.

* * *

С местом повезло – буквально через пятнадцать минут нашли идеальный вариант. Маленькая полянка, поваленный старый клен, на котором удобно будет сидеть, перед ним – костровище с вбитыми по бокам в землю рогульками. Скрипач тут же убежал в кусты со словами «я тоже дикарь и хочу жареной колбасы, я за дровами», а Ит с Робертой сели на

бревенно и принялись вытаскивать привезенные продукты.

– Интересно, а обратно мы доберемся? – Берта с сомнением поглядела на две бутылки водки.

– Надеюсь, – пожал плечами Ит. – Так. Давай рассказывай, что произошло.

– Но Рыжий...

– Слышит все прекрасно, – донеслось из кустов. – Сейчас... ветку эту отломаю... и приду... черт!

– Говори, говори, – попросил Ит.

Первые признаки того, что происходит что-то неладное, появились еще с год назад. Сначала Берте стали чудиться голоса в квартире. Она подходила к двери, а там...

– Больше похоже на радио. – Она нахмурилась. – Но знаете, очень странное радио. Шепот... не могу объяснить. Не получается. Потом...

Потом стали пропадать бумаги, которые она, по обыкновению, брала с собой, чтобы поработать вечером. Пропадать – и появляться через несколько дней. Как-то раз она взяла домой отчет по острову Змеиному, толстенную папку бумаг, уже подшитую, уже с печатями... папка пропала. И нашлась через неделю – в ее же собственном сейфе, в лаборатории.

– Не думайте, я не паниковала. – Берта взяла у Ита из рук бутылку. – Я пошла с этой папкой в первый отдел. Тут же. Я все-таки...

– Ты поступила правильно, – твердо сказал Ит. – Не со-

мневайся. Это их работа. Пусть их порой ругают, но это действительно их работа. И что?

– Они... они сказали, что примут к сведению. – Берта замолчала.

– Дальше, – приказал Скрипач.

– Дальше я нашла у себя дома первую прослушку. Я перестала брать домой бумаги, сама отрезала телефон. – Она отхлебнула из бутылки, и Скрипач тут же протянул ей лимонад и кусок колбасы. – Уф... сто лет не пила, какая же гадость... Так вот. После этого я пошла в КГБ. Первый раз.

Ит кивал в такт ее словам. Кошмар. Чего ей стоило это... Одна. Все это время она держалась – одна.

– Я рассказала все. Все, как есть. Что я – ученый, что за мной следят. Даже показала одну из «таблеток», которую нашла на полу в ванной. Мне сказали, чтобы я самостоятельно ничего не предпринимала, не подавала виду. Я послушалась.

– Тоже правильно, – ободрил Скрипач. – Самостоятельно почти ничего невозможно сделать. Что было потом?

– Потом... – Она осеклась. – Они не сделали вообще ничего. Совсем! Ко мне никто не пришел, никто не помог. Я по своему дому хожу, как... как по минному полю. Спать боюсь. Душ принять стесняюсь. Но дальше... дальше стало еще хуже. Полгода назад меня вызвал Томанов и сказал, что моя разработка по метасистемам признана... нерациональной и не оправдывающей затрат. У меня было ощущение, что я провалилась во время на сорок лет назад... Рыжий, дай

еще водки...

– Чуть позже. – Ит отобрал у Скрипача бутылку, отхлебнул сам. – Берта, что еще он сказал?

– Он сказал, что материалы переводятся в архив и что мы с группой начинаем просчет новых гексов. Бред! Зачем это нужно?! И так ясно, что работающий у нас в результате один! Что активация новых не даст ровным счетом ничего!.. Хотя бы потому, что без Контроля их просто невозможно активировать!.. Я тогда...

– Спокойно, – попросил Скрипач. – Не кричи. Бертик, на два тона ниже, хорошо?

– Тебя страховали. – Ит нахмурился. – Тебя просто страховали, чтобы не случилось беды.

– Но почему – так?! – вызверилась она. – Почему нельзя было перевести нас куда-то еще, почему...

– Спокойно, – повторил Скрипач. – Мы разберемся, обещаем. И вообще, мы приехали, и теперь все у тебя будет хорошо.

– Вы приехали... – Она помотала головой. – Как приехали, так и уедете.

Они переглянулись. Скрипач выразительно поднял брови.

– Вообще, лакировать водку шампанским – это извращение, – начал Ит.

– Тем более – хорошо взболтанным и нагретым. Но повод есть. Мы хотели спросить...

– Можешь не спрашивать, я согласна.

– Телепатка, – с уважением произнес Скрипач. – Ну и вот что с тобой такой делать, а? Колбасой накормить, что ли?

– С рокфором, – подсказал Ит. – Сейчас все-таки главное – отсечь тебя от наблюдения с минимальными потерями.

– Не тронут, – тут же сказал Скрипач. Уверенно сказал, даже излишне, на взгляд Ита, уверенно.

– Да, не тронут, – согласился Ит. – Вы сильно продвинулись?

– Да. – Роберта с опаской покосилась на Скрипача, пытающегося открыть бутылку. – Мы действительно сильно продвинулись. Я сейчас не буду подробно рассказывать, а если кратко, то получается следующее. Согласно расчетам, Терра-ноль может являться предузловым соединением, находящимся в точке схождения нашей метасистемы и следующей. Ориентировочно следующей, мы пока что можем только строить догадки. Шесть точек смычки возможно условно отнести к шести точкам соприкосновения мегагекса с так называемым конусом, и...

– Солнце, стоп, – приказал Ит. – Давай сейчас лучше пить шампанское, если от него что-то останется... держи пробку, болван! В сказки про то, что у деревьев бывают уши, я не верю, а вот в то, что уши есть у людей, верю более чем. Хотя бы потому, что неоднократно сталкивался.

– Ладно, – кивнула она. – Но в любом случае вы в этом году какое-то время будете работать в Херсонесе.

– Это хорошо. Так, дамы и господа. Предлагаю того... из

горла, за успех нашего безнадежного дела.

– Какого именно из?.. – поинтересовалась Роберта. Взяла у него бутылку, понюхала, поморщилась. – Брют?

– Он самый, – подтвердил Скрипач.

– Ну и зря. Так какого дела?

– Всех сразу, – решительно ответил Ит. – От развода до завтрашнего разговора. Ну?

– Хорошо. – Берта отпила глоток, передала бутылку Скрипачу. – Мне больше всего интересно, кто именно это может быть...

– А сама ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Ит.

– Не знаю, – призналась она. – И Альянс, и немцы, и приемник Теодуло, и США, и...

– И наши, – покивал Скрипач. – Почему бы, собственно, и нет.

– Но для чего? – изумилась она. – Я же не скрываю ни строчки, все подотчетное, все видно.

– Это ты так считаешь, а у них может быть и другое мнение. – Ит задумался. – Как думаешь, ты не могла случайно дать им повод...

– Подожди, ититская сила, – Скрипач тоже отхлебнул шампанского, поморщился. – Действительно, кисловат этот брют... Так вот, подожди. Могла, не могла – не суть важно. Важно то, до чего они дорыли, случайно или намеренно. А дорыть они могли очень много до чего, согласись. Берта?

– Да ничего особенного! – горячо возразила она. – Ребята, честно, ничего особенного! Новыми, по сути дела, были только выводы, о которых я уже сказала, а все остальное... – Она безнадежно махнула рукой. – Старье, которое, по-моему, уже двадцать пять лет никто не обсуждает, потому что нет смысла.

– Значит, эти выводы показались кому-то важными, – заметил Скрипач. – Ладно. Будем разбираться. Так, на чем мы остановились?

– На брюте, – подсказала Роберта.

– Нет. Не сбивай с толку... ммм... А! Ну как же! В общем, мы теперь уже точно разводимся, и потом...

– Как Маден? – спросила Берта.

Девочку она знала с самого детства и очень ее любила.

– На днях рожает, – вяло сообщил Скрипач. – Решили отложить с экипажем на три года.

– И ты молчал?! – Берта аж подскочила на бревне. От неожиданности Скрипач выпустил из рук бутылку, которую, впрочем, успел поймать Ит. – Ну, вы даете. У меня слов нет. А у вас – совести.

– Все у нас есть, – возразил Ит. Сделал глоток, тоже поморщился и принялся разглядывать этикетку на бутылке.

– Нету, – упрямо сказала Берта. – Совершенно нету! В общем, после работы я в обязательном порядке – к вам домой. Поздравлять, и все прочее.

– Теперь уже к ним домой, – поправил Скрипач. – Мы пе-

реводим дом на ребят... потому что нам там делать уже точно нечего. Да, там живет семья, все правильно. Но теперь...

– Это уже не наша семья, – вздохнул Ит. – Это ее продолжение. Наверное, так должно быть. До того как в доме поселились Фэб и Гира, там жил учитель Фэба. Человек, между прочим. Он и его семья. Потом – Фэб с семьей, потом – мы, а теперь...

– Ит, а ты не слишком рано начал себя закапывать? – поинтересовалась Роберта. – Хотя, кого я лечу. По здешним меркам мне самой уже впору ходить с палочкой и подыскивать себе уютное место на кладбище. Ну или по крайней мере, нянчиться с внуками и обсуждать цены на творог, которые выросли.

– А они выросли? – с интересом спросил Скрипач. – Серьезно?

– Шучу. Нет, конечно. С чего бы.

– Ну, раз не выросли, то жить можно. Ит, вылей ты эту кислятину, и давайте пить достойный момента напиток, в конце концов! – приказал он.

– Ты обещал пожарить колбасы к напитку, – напомнил Ит. – Вот и действуй... Берта, вопрос. Уже без ностальгической ереси. Ты говорила о выводах, так?

Она кивнула. Встала с бревна, потянулась. Глянула на Ита сверху вниз.

– Именно так. Говорила в общих чертах, конечно, как ты понимаешь.

– Скажи, а проверку ты проводила?

– Разумеется, нет. Я же сказала тебе – до проверки не дошло. Тему свернули на этапе предварительных результатов, и после – мы над ней уже не работали.

– Ясно. – Ит тоже встал. – Хорошо, будем разбираться. По мере сил.

– Ит, можно встречный вопрос? – Она сделала шаг к нему, задумчиво прищурилась. – Вот вы только что сделали мне предложение, да? Я согласилась. Но хочу заметить тебе одну-единственную вещь. За все эти годы ни один из вас, поганцы, не сказал мне, что...

Она не закончила фразу, осеклась. Потом продолжила:

– Я ведь могла ночевать в вашей квартире, когда это все началось... Могла, правда? А знаешь, что я делала? Подходила к двери и стояла рядом. Просто стояла. У меня была такая игра: я думала, что вы оба – там, внутри, в квартире. Я думала, что вы... что вы здесь. И если я позвоню или войду... то... то вы...

– Прости меня. – Ит вдруг почувствовал, что лицо его заливают краской от нестерпимого стыда. – Ты совершенно права. Мы две скотины, которые за все это время ни разу не сказали тебе, что мы... тебя любим. Скажи, мы сейчас хоть что-то можем исправить? Хоть как-то?

– А вы уже исправили. – Берта улыбнулась сквозь слезы.

– Как?..

– А так. Вы же вернулись. Порой и этого достаточно. Я же

знаю, вам сложно было сделать это, и...

– Ой, что я тебе сейчас расскажу, – заговорщицки подмигнул Скрипач. – А я расскажу тебе, как мы возвращались. Это, знаешь ли, было весьма и весьма...

ИВК, Москва

Когни

Утром Ит проснулся около восьми, остальные еще спали. С Ленинских гор вернулись около полуночи; пьяный в дымину Скрипач порывался пойти и устроить диверсию в квартире соседей Берты, Ит с трудом уговорил его обождать с этой диверсией сутки и с трудом уложил спать. А вот Берту уговаривать не пришлось – она кое-как выпила чашку чая и буквально рухнула, до такой степени вымоталась и устала. В результате спали они следующим порядком: Ит и Скрипач, как водится, на одной кровати, Берта – на второй.

Ит кое-как сел, помотал головой (болит, зараза!), потер виски ладонями. Так, все. С пьянством пора завязывать. А то что-то это как-то... нехорошо получается. Совсем нехорошо. Некрасиво. Поэтому срочно в душ, потом будить народ, потом... сходить в столовую, что ли, по старой памяти? Совершенно не хочется таскаться за продуктами и что-то готовить, ведь все равно сегодня-завтра уезжать. Или вообще обойтись кофе с коржиками?..

Он тихо, стараясь не шуметь, пошел в ванную. Включил воду, забрался под душ. Интересно, а от головы у них что-то есть? Наверное, есть, потому что в снаряжении должен быть медицинский пакет. Кошунство, конечно, но уж больно много сегодня дел, придется все же полечить голову. Со-

вершенно неохота бегать целый день по городу в таком состоянии. Идиоты, вот честное слово, идиоты же! Думать надо, блин, прежде чем мешать шампанское и водку. Так, все, хватит лирики.

В дверь ванной тихонько постучали – ясно, Скрипач проснулся.

– Сейчас, – негромко ответил Ит. – Минуту подожди.

– Я чайник поставлю. – Судя по минорному тону, рыжему было не лучше.

– Ага...

Наскоро вытерев волосы, Ит оделся и пошел на кухню. Скрипач сидел на табурете у подоконника и вид имел отнюдь не лучезарный.

– Ит, – проникновенно начал он. – Знаешь, Ит... Вот я себе каждый раз говорю – что он последний. И вот понимаешь...

– Угу, понимаю. Иди, мойся, а я в аптечке пороюсь. Надо от головы что-то съесть срочно. А то мы там произведем неизгладимое впечатление, согласись.

– Сейчас пойду. Да, мы куда сначала? – спохватился Скрипач.

– Сначала, думаю, к своему начальству за назначением, потом – на Лубянку, потом... – Ит задумался. – Вообще, если по уму, надо бы народ навестить, но это можно сделать вечером. Антигравы для грузчиков ты взял?

– Взял, а как же. И батарейки к ним тоже взял, – Скри-

пач кивнул, поморщился. – Блин, в голове ну в буквальном смысле чугунное ядро. Или ведро, – пожаловался он. – И вроде бы не так много пили...

– Не так много?! – возмутился Ит. – Одна бутылка дома, потом две на троих – это не много?! Рыжий, все. Ты как хочешь, а я объявляю сухой закон. По крайней мере, на срок работы.

– Согласен, – Скрипач встал, снова поморщился. – Сухой так сухой. А то мы в таком виде, чую, такого можем наработать, что будет ну очень стыдно. Слушай, достань пока что форму, – попросил он. – Только тихонько, Бертика не разбуди.

– Как же она намаялась, – покачал головой Ит. – Если бы я знал...

– То все равно ничего не смог бы сделать. Потому что ее отсюда не выпустили бы, а нас бы не впустили, – Скрипач нахмурился. – Сам понимаешь.

– Иди, мойся, – приказал Ит. – И давай порезче, рыжий. Дел много.

* * *

Отделение Официальной службы, к которому они были приписаны, располагалось неподалеку от Парка культуры. «Сарепту» в этот раз брать не стали – сели на рейсовый катер, и через полчаса были уже на месте. Поднялись от набережной.

режной вверх по улице, миновав парк, свернули на Садовое, и вскоре подошли к нужному им дому, стоявшему в глубине двора. Район был богатый, здания, как жилые, так и не жилые, тут стояли высокие, добротные, а бараки, если где и встречались, имели вид опрятный и чистый. Огурцы с помидорами, впрочем, в палисадниках нет-нет, да встречались, но цветов было на порядок больше.

Офис официалов тоже имел вид весьма достойный: одноэтажный квадратный дом, крашенный светло-желтой краской явно не местного производства, на крыше – энергонакопители, рядом с тяжелой дверью – красивая, сделанная под медь табличка (дань местным традициям) с названием отделения и его номером. И цветы в палисаднике: по большей части красно-желтые бархатцы, и красные, синие, белые петунии. В некотором смысле символично, с намеком. Дорожка, ведущая к дому, выложена шестигранными плитками – ну, тут намек уже недвусмысленный...

– Интересно, куда нас в этот раз, – пробормотал Скрипач. – Берта сказала про Херсонес, это хорошо, конечно, но я бы с большей радостью куда-нибудь в Ялту или в Алупку... бандитов ловить.

– Держи карман, – огрызнулся Ит. – Еще скажи спасибо, если действительно будет Херсонес. Хоть в море покупаться, и то хлеб. Я бы вообще ни на что особо не рассчитывал. Сейчас дадут нам полгода в Москве, и будем сидеть в духоте и смотреть чужие отчеты.

– Зато с Бертиком, – тут же нашелся Скрипач.

– С Бертиком тоже надо решать.

* * *

– ...по красному коду вы имеете право выбрать из этих вариантов, но я бы рекомендовал...

– Выбирать, собственно, пока что не из чего, – возразил Ит. – Мы ничего не имеем против летной школы, но нам в любом случае нужно будет несколько дней для того, чтобы разобраться с новыми законами о применении внешней техники. Насколько я помню по прошлому забросу, все было несколько иначе.

– Совершенно верно. Сейчас обстоятельства немного изменились.

Атташе замаялся. Они сидели напротив него и молча ждали продолжения. Почти люди... но все-таки люди такими не бывают. Слишком уж юношеская внешность для без малого трехсот лет. Хотя, пожалуй, не юношеская, это что-то другое. И «летопись» – больше чем по половине рукава у каждого. Это много. Очень много. И красный код – а это, считай, почти полная вседозволенность. И второй класс. На кой черт им боевые задания? Сидели бы в офисе, отдыхали бы в свое удовольствие. Так нет же, в офисе им не сидится, им работу подавай... Но самое плохое все равно не это. Плохо то, что куратор их мира приписки дал распоряжение: побла-

жек не делать, использовать как рядовую штатную единицу. Согласно статусу, конечно. И дал приблизительный план для работы этой пары.

План, от которого у бедного атташе волосы встали дыбом. Потому что согласно этому плану данную парочку предполагалось на протяжении всего года макать головой в дерьмо, где только можно.

...летняя школа, три месяца обучения – собственно, именно про это он им пока что и сказал. Дать направление, а там пусть сами разбираются – с их статусом они имеют право занять любую командную должность. Если захотят.

...приграничный район, пилотаж «двойки» или «тройки». Если будет летная школа, то будет и район.

...сопровождение «ангелов». Ну, это вообще уже труба, особенно с учетом того, что их первый муж был связан с Контролем, а сейчас в Контроль ушла младшая дочь.

...работа с дипломатическим отделом, контактирующим с Альянсом. Ну уж нет, благодарю покорно. Кем бы они ни были, раньше чем через полгода я их туда не пущу. Если вообще пущу. И потом, должность им там дается... Атташе глянул в текст направления и оторопел – снова «рядовое сопровождение».

И прочее в том же духе.

Что это за издевательство? Отметки об утрате лояльности в деле нет. А предполагаемые области подобраны так, что создается впечатление, что отметка есть, и что она, возмож-

но, даже не одна.

Но у них же красный код, второй класс, сумасшедшая выслуга, и, ко всему прочему, привилегированное положение – тут, на Терре-ноль! Собственно, они открыли эту самую Терру-ноль, провалиться ей на месте.

С ума сойти.

Хороший «подарочек», ничего не скажешь...

Интересно, через сколько времени они пошлют и его, и официалку, и своего куратора, когда поймут, в какую дрянь их сейчас втравили?

– Мы вас слушаем, – поторопил вежливый Ит.

– Ну, хорошо, – атташе, наконец, собрался с духом. – Я только очень прошу вас учесть, что это не мой план, это было в вашем же сопроводительном пакете.

Слушали они молча, не перебивая. Рыжий даже покивал, соглашаясь незнамо с чем, а черный сидел вообще как статуя, ничего не говоря. Когда атташе закончил, черный сказал:

– Да, что-то такое мы и предполагали. Гарай под руководством Огдена, что и требовалось доказать. Вы не волнуйтесь, Максим, ничего страшного. Это уже не в первый раз. Думаю, мы поступим следующим образом. Сейчас нам нужно несколько дней в городе, для ознакомления с ситуацией, а потом мы с удовольствием отправимся в «Бор», в летную школу. Так что, надеюсь, на этом этапе у нас с вами проблем не возникнет. Однако сейчас нас больше волнует другой во-

прос. Дело в том, что на протяжении последних лет мы тесно сотрудничали с Робертой Ольшанской и ее группой, которая работала над проектом «Метасистема». Вчера мы встретились с Робертой Михайловной, и она сообщила нам, что проект приостановлен...

– Закрыт, – ответил атташе машинально, но тут же спохватился. – Временно, да. Можно сказать, приостановлен.

– Так вот. – Черный прищурился. – Мы, как сотрудники этого проекта, как агенты Официальной службы второго класса, как лица, фактически причастные к деятельности Контроля, – голос его неувовимо изменился, и атташе невольно вжался в спинку кресла, – сейчас настоятельно требуем от вас ответа на следующие вопросы.

– Я весь внимание, – помертвевшим голосом сказал атташе.

– Вопрос номер один. Вам известно о слежке, установленной за квартирой Роберты Михайловны?

Вот так.

Этого он не ожидал. То есть нет, ожидал, но не так быстро.

– Д-да, – выдавил он через силу. – Это... скажем так, это не совсем в нашей юрисдикции...

– А в чьей? – жестко спросил Рыжий. Кажется, его зовут Скрипач. Хотя в деле написано «Биэнн Соградо Файри».

– Понимаете, тут получилась не совсем ясная ситуация... – Атташе все еще мялся, подыскивая слова. – Она не обращалась к нам.

– Дура, – одними губами произнес Скрипач.

– Возможно... Так вот. Она не обращалась к нам, и в отделе о слежке сообщил в результате представитель Комитета Безопасности. После совещания было решено передать это дело Комитету.

– Развели бюрократию, – проворчал черный. Атташе глянул в дело – ага, Биэнн Соградо Ит. Проклятый запрет на использование нормальных терминалов! Чертовы бумажки! Но что поделаешь – условия пакта...

– Совершенно с вами согласен. Решение о временном невмешательстве и попытке установить агента, ведущего наблюдение, принимали в результате не мы.

– Гениально. – Рыжий покачал головой. – Великолепная работа. То, что заняло бы трое суток, продолжается полгода... Так, ладно. Ит?

– Угу. Второй вопрос. Мы будем настаивать на восстановлении проекта. Отделение окажет нам поддержку, или...

– Знаете, – голос у рыжего вдруг стал проникновенно-интимным. – Есть такая замечательная штука, которая называется «саботаж». Думаю, вам великолепно известно, что Альянс тоже работает над подобным проектом. И вам также известно, кто является главой Альянса и под кого он работает на самом деле. И если вы сейчас скажете...

– Ну, хватит! – Атташе разозлился. – Разумеется, мы вас поддержим, ни о чем другом и речи быть не может. Но...

– Максим, тогда у меня еще один вопрос. – Ит выпрямил-

ся, строго глянул на атташе. – Почему это не было сделано раньше? Полгода назад, например? Чье это распоряжение? Кто решил, что надо остановить проект?

– Это общее решение. Правительство, комитет, Официальная служба.

– Вот даже как, – хмыкнул Ит. – Игру затеяли. Ладно, раз вы так настаиваете, поиграем. Последнее на сегодня, уже по нашей работе в этом мире. Как вы, думаю, догадались, вос-торга от плана работы мы не испытываем. Поэтому я заранее прошу вас о следующем. Если мы примем какое-то решение, которое не будет соотноситься с этим планом и уйдем в свободную работу, не сообщайте об этом куратору до окончания срока контракта.

– Весьма вероятно, что контракт мы продлим, – заметил Скрипач. – У вас там в папочке на веревочках есть пометочка... Нет, не внешка, возьмите внутреннее дело. Ну-ка, от-кройте... листайте, листайте... еще дальше. Что написано?

– «Роберта Михайловна Ольшанская...» – Атташе поднял на них изумленный взгляд. – Так вот почему...

– Не только поэтому, – уже серьезно, без сарказма, отве-тил рыжий. Усмехнулся. – У нас действительно личные от-ношения, мы этого не скрываем – по крайней мере, здесь. Поэтому, как вы сами догадываетесь, мы и сами более чем заинтересованы в благополучном исходе дела.

– Но ведь вы женаты. – Атташе глянул в бумаги.

– Брак договорной, дети давно взрослые. – Ит пожал пле-

чами.

– Вы – рауф. – Атташе нахмурился.

– По части документов – да, – согласился Скрипач. –
Остальное – по запросу на Орин. Если у вас хватит духу сделать этот запрос.

– Может быть, сами ответите?

– Мы частично люди. – Иту разговор уже поднадоел. –
В общем, мы, как вы сами видите, ничего не скрываем и обо всем вас сразу и честно предупредили. Чтобы потом не было проблем. Сейчас вопросы есть?

– Нет, – покачал головой атташе. – Направление в «Бор» я вам пришлю завтра, курьером.

– Спасибо, – вежливо улыбнулся Скрипач. – Что-то мне подсказывает, что мы за эту неделю еще встретимся.

– Чуть не забыл! – Ит хлопнул себя ладонью по лбу. –
Группа Ри Нар ки Торка должна быть уже здесь, насколько я знаю. Они прибыли? Если да, то где их разместили?

– Пока что не прибыли. – Максим взял из органайзера несколько листов бумаги. – Так... да, пока не прибыли, идет рассмотрение дела новой сотрудницы. Если будет положительное решение, то дней через десять.

– Кого рассматривают? – Скрипач и так знал ответ.

– Сейчас... Джессика Пейли, эмпатическая команда... стаж выработки приличный, почти полторы сотни лет работа с Бардами... ага, ага, ага... да, вот, собственно, ее и рассматривают.

– Почему так долго? – жестко спросил Ит.

– Сейчас... а, вот. Лояльность. Происхождение подкачала – она родом с одной из планет конклава «Алмазный венец». Насколько я знаю, там была довольно плотная обработка населения на начальном этапе, и теперь всех, кто оттуда, трясут весьма серьезно. Были проколы. Сам я, правда, не сталкивался.

– Если это ускорит дело, то мы даем поручительство, – быстро сказал Скрипач.

– Возможно, ускорит. Подождите, я дам распоряжение подготовить бумаги. – Атташе встал. – Это займет где-то минут пятнадцать.

– Может быть, и наше направление сразу отдадите? – предложил Ит. – Зачем курьера гонять лишний раз?

– Тогда ждать придется дольше, полчаса.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Скрипач. – Мы на улице прогуляем пока что, через полчаса подойдем к вам.

* * *

Из здания на Лубянке они вышли только в три часа дня. Для того чтобы добиться нужной встречи, пришлось основательно побегать по кабинетам – люди были большей частью незнакомые, неприветливые, да еще ко всему постоянно врали. Спасло в результате то, что случайно наткнулись на одного из знакомых, занимавшего достаточно высокую долж-

ность, генерала Дорохова, и он согласился посодействовать.

Ругались долго, обстоятельно, с чувством. Кто-то другой на их месте, возможно, струхнул бы весьма основательно и пошел на попятный, но Ит и Скрипач поводов бояться не имели. Во-первых, они в данный момент не являлись гражданами государства, вернее, согласно определению «несли стандартные конституционные права и обязанности», но отвечали все-таки в первую очередь перед Службой, а не перед страной (не сказать, что обоих это радовало, но порядок есть порядок). Во-вторых, оба были напрочь лишены почтительности и совершенно не собирались ни перед кем пригибаться – высокий класс в Официальной службе ставил их на одну планку с человеком, который их сейчас принимал. В-третьих, имели стопроцентно доказанную лояльность и много раз помогали стране...

В общем, дело выгорело. Генерал долго звонил по инстанциям, с кем-то разговаривал на повышенных тонах, потом велел секретарше подать кофе, потом коньяку, потом, спохватившись, погнал несчастную девушку в буфет за бутербродами, потом – за ситро, потом – за необходимыми бумагами в архив...

– Поймайте мне эту крысу, – взмолился он под конец разговора. – Не смогли! Ну как в том анекдоте про лошадь – не смогли! И ведь не лохи какие ловили, поверьте. Вот сами смотрите...

– Мы уже видели, Петр Алексеевич, – мягко ответил

Скрипач, отодвигая от себя очередную синюю папку. – Почему вы не обратились в Официальную службу?

– Да пакт этот проклятый, будь он неладен! Ваше здоровье...

– Этот самый пакт там сто раз нарушен. – Ит тоже старался говорить спокойно, но терпению его уже подходил конец. – В квартире стоят шесть следящих систем новейшего образца! Которые ни под каким видом не предусмотрены в этом самом пакте.

– Мы обнаружили только три.

– Правильно, откуда вам знать, – согласился Скрипач. – Ну так что? Мы работаем?

– Да, конечно. – Генерал призадумался. – Вот только я бы очень вас попросил... дело, скажем так, непростое получается, и...

– Хорошо, – вымученно согласился Ит. – Вычислим сами, а брать будем вместе. Ну или сдадим вашим людям так, чтобы их заслуги в поимке ни у кого не вызывали сомнений. Если, конечно, сумеем вычислить. Судя по тому, насколько там все серьезно, и с какой наглостью сделано, работал профессионал, причем уверенный в себе настолько, насколько вообще возможно. Этот человек ни секунды не сомневался в том, что его не только не поймают, даже не вычислят. Не сумеют.

– Мы так и подумали, – покивал генерал. – Выбор был прост – или мы его спугнем, или подставим... Роберту Ми-

хайловну и ее команду. И мы...

– Роберта Михайловна работала полгода в качестве живца, – зло сказал Ит. – Совести у вас хоть грамм есть, товарищ дорогой? Женщина чуть с ума не сошла!

– У нас не было другого...

– Да был у вас другой выход, Петр Алексеевич, был, – отмахнулся Скрипач. – Можно было вывезти институт, хорошо, не институт, хотя бы их группу!

– Она сказала, что в шарашке работать не станет. – Генерал разозлился. – Не будь она сотрудником официалки, я бы вывез. Мы тоже заинтересованы в этом проекте. Но она сама отказалась! Мол, она не заключенная, свободный человек и прочее.

– А разве это не так? – вкрадчиво поинтересовался Скрипач.

Генерал сопел и молчал. Ответ был ясен – конечно, не так, но поди при вас скажи. В порошок сотрете.

– Ну и вот, – подытожил Ит. – Значит, мы пока в городе. Через неделю уезжаем, но за эту неделю постараемся сделать все по максимуму.

– Аппаратура... – начал было генерал, но Скрипач прервал его:

– У нас своя. Не волнуйтесь, все согласно пакту. Другую бы сюда не пропустили.

– Но вам этого хватит?

– Нам этого хватит. – Ит встал, Скрипач тоже. – Спасибо

за кофе. Телефон наш, я думаю, для вас не секрет.

– Конечно, – кивнул генерал.

– Ну и ваш для нас тоже. Так что будем на связи. Приступим уже сегодня. Есть у нас пара-тройка мыслей...

* * *

Домой отправились пешком – идти было всего ничего, а прогуляться по городу очень хотелось. Спустились по бульвару к реке, по дороге купив пару бутылок лимонада и мороженое, посидели у моста, в тени, посмотрели на проходящие мимо суда. Теплый летний ветер, запах воды, мокрого камня... Сколько можно искать покоя и сколько можно метаться туда и сюда? Кто сказал, что это вообще нужно? Нужно – для чего? Кому?

– Ничего не хочу. – Ит, уже доевший мороженое, расплетал осточертевшую косу – на переговоры шли при полном параде, как же иначе. – В парк сходил бы. Наверное. Или просто дома посидеть, почитать что-нибудь.

– Ит... слушай, ну какого черта, а? – жалобно спросил Скрипач. – Думаешь, я хочу? Я бы вообще... эх... ну почему нам постоянно приходится таскаться с этими проклятыми бумажками, отчетами, и прочей дрянью? Я хочу, – он ожил. – Вот как в нормальном боевике. Любом. Что здешнем, киношном, что в нашем, постановочном. Ну не занимаются герои боевиков этой херней с бумажками! Им гово-

рят – вон там враги, чувак. Чувак берет автомат и идет мочить врагов.

– Давай переведемся в боевое, – предложил Ит меланхолично. Под мостом сейчас проходила баржа – длинная, ржавая, старая. Судя по отсутствию осадки – пустая. Вот бы на эту баржу... непонятно зачем, но почему-то хочется. Видимо, чтобы плыть в никуда. Бесцельно.

– А толку? Второй класс. Все равно за отчеты засадят. А то еще и за анализ.

– Ну тогда иди играть в кино, – предложил Ит. – Там не заставят возиться с бумажками.

– Так меня там и ждут, – огрызнулся Скрипач. Вытащил из косы стилет, тряхнул головой, освобождая волосы, тяжело вздохнул. – Прямо мечтают.

– Иди, как Файри. Файри возьмут, у нее сиськи, – усмехнулся Ит. – Будешь пользоваться большим успехом.

– Слушать тебя тошно. – Скрипач снова тряхнул головой, проклятая коса никак не желала расплетаться. – Сиськи... Сейчас куда?

– Домой, переодеться надо. Потом к грузчикам, потом на терминал, к машинам, потом уже следилками позанимаемся.

– А не боишься, что нами тоже могут позаниматься? – Скрипач сунул стилет в неприметные ножны на бедре, ухмыльнулся. – Сто против одного, что уже занимаются.

– И что? – Ит со вкусом зевнул. – В первый раз, что ли?

– Не в первый. Но все-таки.

– Бертик у нас дома посидит. – Ит загнул один палец. – Там хорошая защита, не доберутся. Мы немножко похулиганим ночью. – Он загнул второй палец. – Они задержаются, особенно если получится подбросить туда что-нибудь вкусное – мне кажется, получится. – Он загнул третий палец. Скрипач с интересом посмотрел на него. – А дальше мы немножко подставимся...

– Ох уж мне эти твои авантюры, – проворчал Скрипач. – Ладно. Допивай газировку, и пошли.

* * *

– Нет, я сказала! Эта картина осталась от папы! Ит, не смей, я не давала разрешения на такой вандализм!..

– Слушай, ну перестань, – безнадежно просил Ит. – Ну ничего с ней не сделается, клянусь. Ну подумаешь, водой польет слегка.

– А багет?!

– О, черт... Так, ладно. Забежишь первая, и через пять минут снимешь картину.

– Не получится, тогда поймут, что я знала заранее... Ит, я тебя прошу, можно как-то так сделать, чтобы не мочить? Она у меня из детства одна осталась. Я тебя очень-очень прошу...

– Ты себя ведешь, как маленький ребенок, – упрекнул ее Ит. – Что с тобой такое сегодня? Опомнись, пожалуйста. Соберись.

– Попытаюсь. – Она запустила руки в короткие волосы, снова всхлипнула.

«Довели, – подумал Ит. – Совсем довели человека». До нервного срыва довели, потому что действительно свихнуться можно, живя полгода «под микроскопом». Он обнял Берт, прижал к себе и принялся гладить по волосам, по спине, по плечам.

Они минут пять стояли в маленькой кухне, в обнимку, прижавшись друг к другу. Ит ощущал, как учащенно бьется ее сердце, и почему-то сейчас невольно сравнивал с Маден... почему? Сам не понимал. Чуть позже – понял. В этот момент она стала слабой. Тем существом, о котором он обязан, должен заботиться. Которое должен защищать. Ради которого горы можно свернуть, лишь бы ему было хорошо.

– Ну-ну-ну, – шептал он еле слышно. – Ну не плачь. Сейчас дядя Рыжий с дядей Итом поймают нехороших шпионов, а потом все вместе в «Бор» поедem, на самолетах летать и нервишки лечить. Группа соберется, месяц там поработаете, пока тут ремонт сделаем, а дальше уже можно будет домой, и никаких больше следящих хреней и прочей дряни. Клянусь тебе чем хочешь.

– Ит, я пока что с ума не сошла. – Она слегка отстранилась, глубоко вздохнула. – Спасибо тебе... то есть вам... У меня действительно было ощущение, что я пропадаю. Совсем пропадаю. Смотрю в окно, вид красивый, город, реки, даже море Московское оттуда видно, ты же знаешь... Смот-

рю и понимаю, что смотрю не одна. Словно за спиной стоит кто-то... страшный кто-то. С ледяными глазами и полным отсутствием души. Очень странное ощущение.

– Как ты сказала? – Ит напрягся.

– Что именно сказала? – недоуменно подняла глаза Роберта.

– Про ледяные глаза и отсутствие души, – подсказал Ит.

– А, это... Ит, это так. Просто образ. Образ наблюдателя.

– Просто так такие образы не появляются. – Ит задумался. – Ладно. Работаем. Рыжий?

Коммуникатор на запястье ожил.

– Сейчас, доломаю кое-что, – пропыхтел Скрипач. – Такой качественный чугун, ты себе не представляешь... Умеют же строить, гады! Ребят, я через десять минут буду, мне через весь дом еще пилить...

– Угу. – Ит отключил коммуникатор. – Бертик, послушай. Сейчас сидишь тут, не высовываешься, никуда не выходишь. А нам придется немножко побегать.

– Осторожно, хорошо? – попросила она.

– Не бойся, – улыбнулся Ит. – Ну-ка, если честно – бабская жалость или что посерьезнее?

Она тихо засмеялась и щелкнула его по носу.

– Ты же знаешь. Бабская жалость существовала тогда, когда кто-то задыхался, но это было много лет назад. Сейчас все иначе. Так что не сомневайся... Ит, я про тему хотела поговорить. Шутки шутками, но все, по-моему, получается

очень и очень...

– Не сейчас и не здесь, – отрицательно покачал головой Ит. – Сегодня, боюсь, не получится. Знаешь, не исключено, что мы пробегаем всю ночь. Поэтому если ты сваришь утром овсянку, мы тебе будем очень благодарны.

– Если вы купили овсянку, сварю. Только смею тебе напомнить, что ты сам запретил мне выходить.

– Купили, купили, язвительная ты наша. И даже молоко купили. И картошку. И...

– Ит, на выход. – Коммуникатор снова ожил. – Только что прошел импульс.

– Где? – коротко спросил Ит, поспешно натягивая тонкую темную куртку.

– Ты не поверишь, – Скрипач нервно хохотнул. – Шлюз в Печатниках. «Коломенская». Так что давай сразу на пристань.

– Ага, выхожу. Бертик, рядом с телефоном бумажка с номером. Позвони, скажи, что мы ушли на шлюз, пусть присылает туда группу. Код – градация зеленого, пароль – «бурый», ну а номер моего коммуникатора ты и так знаешь. Все. Я пошел.

– Удачи, – только и успела она сказать закрывшейся двери.

* * *

План был прост. Льющаяся сверху вода дала следящей си-

стеме пинка, и система, разумеется, сообщила о нештатной ситуации. Скинула тому, кто следил за квартирой, импульсный пакет. Импульс, в отличие от предыдущих, отслеживали, поэтому легко «сняли» – конечно, в квартире уже находилось их собственное оборудование, которое забросили тогда, когда изображали подготовку к ремонту. Верхнюю квартиру от наблюдения Скрипач, конечно же, отсек, поэтому следящая система его перемещения и возню с трубой снять уже не могла.

И система увидела следующее: наверху не происходило ровным счетом ничего, и вдруг по стене хлынула горячая вода. Конечно, системе она угрожать не могла, но сам факт того, что квартиру заливают, был отображен и отправлен тем, кто следил.

Что, собственно, и требовалось.

А дальше два варианта развития событий. Первый, маловероятный – что чужие агенты сунутся в квартиру. На этот случай этаж сейчас был перекрыт сотрудниками ГБ. Второй, наиболее вероятный – что эти самые чужие агенты останутся на месте. Уж больно незначительный повод, подумаешь, протечка. Если второй, то, вероятно, получится прижать их в локации.

...Ит выскочил из здания и бегом бросился к пристани. Моторка стояла на приколе у яузского причала. Он спустился к воде, перепрыгнул в лодку, завел мотор. Через минуту Скрипач перемахнул через парапет и очутился рядом с ним.

– Поехали, – приказал он. – Самое веселое будет, если мы их все-таки спугнули.

– Не должны. – Ит уже выводил моторку на реку. – Как потоп?

– Потоп удался, – отрапортовал рыжий. – Паркету, боюсь, кирдык наступит.

– Дубовый, может, и выдержит, – возразил Ит. – Книжки жалко.

– Жалко, – согласился Скрипач. – А что делать?

Ит не ответил.

«Сарепта» летела над темнеющей водой, Ит выжимал из движка все, на что тот был способен. Речного патруля они не боялись: их лодка была в базе спецсредств, и трогать ее на предмет досмотра или превышения скорости никто бы не рискнул. Миновали первый мост, затем второй, на подходах к третьему пришлось слегка замедлиться – там расходились два крупных судна. Ит, беззвучно ругаясь, повел моторку в боковой пролет, и с трудом сумел увернуться от идущего навстречу прогулочного катера. «Сарепта» рванула дальше, презрев поток брани, полетевший им вслед, однако Скрипач успел обернуться и показать компании на катере средний палец.

– Хам ты все-таки, – недовольно проворчал Ит. – Поведи, португую перестегнуть хочу...

– Не я хам, а они мудак, – окрысился рыжий. – Вот куда он прет по самому центру пролета, скажи на милость?! Он

что, купил всю реку, что ли?

– Нет, не купил. И ты ее тоже не купил, – справедливо заметил Ит. – Дай точку посмотрю... ага, Новое Нагатино. Что-то такое помню. Это, кажется, бараки по правому берегу, да? Бараки и стройка.

– Они самые, – согласился Скрипач. – А дальше парк. В парке мы, если помнишь, были.

– Давно, – Ит задумался. – Там сначала не парк, а свалка какая-то. Большое поле. Это за шлюзами, после закрытой зоны.

– Ну правильно. Если рванут туда, придется побегать.

– Значит, побегаем, – подытожил Ит. – Встать надо под берег, перед шлюзами. Вообще, там причала-то нет, насколько я знаю.

– Ничего, перебыются, – проворчал Скрипач. – Ты посмотри, сколько всего за три года понастроили-то! – Он кивнул в сторону берега. – А здоровенные какие дома...

– Угу, – рассеянно кивнул Ит. – Понастроили, твоя правда.

«Сарепта» неслась над зеленоватой водой, держась правого берега. Гранитная набережная с кованой решеткой, крашенной черной краской, вечеряющее небо, на котором начинают уже проступать тени и загораются первые звезды... Снова мост, гулкое отраженное эхо, запах влажного металла и застоявшейся воды...

– Давай на нормальный причал встанем, – предложил

Скрипач. – Подумаешь, пробежимся немного. Лодку жалко, понимаешь? А ну как поуродуют нам лодку. Таскайся потом по всему городу, ищи новую...

– Хорошо, – согласился Ит. Вытащил карту, аккуратно, развернувшись спиной к ветру, развернул. – Тогда давай прямо сейчас, на этот. Потом по Кленовому бульвару вверх, а там уже рукой подать до тех барakov.

– Твоя правда, – согласился Скрипач. Сбросил газ, и повел моторку малым ходом к причалу. По деревянному настилу уже спешил в их сторону какой-то человек – пожилой, неопрятный, в грязно-серой майке и тренировочных штанах, растянутых на коленях.

– Местов нету! – закричал он, увидев, что Скрипач стоит на носу моторки с линем в руках. – Нету местов! Дальше иди, на «речника» вставай!..

– Ничего, дядя, найдется место, – уверенно ответил Скрипач. Перепрыгнул с моторки на причал, набросил линь. Повернулся к сторожу, вытащил из кармана удостоверение, раскрыл, и сунул сторожу под нос. – Ну так что?

– Да – что? Да ничего я... я ничего... – забормотал тот, отступая на шаг. – Да я ж разве... да швартуйтесь на здоровье...

– Спасибо, – поблагодарил галантный Скрипач. Вытащил из другого кармана мятый рубль, сунул сторожу в руку. – Выпей, что ли, за успех нашего общего дела.

– Так это я всегда пожалуйста!.. Служу отчеству... – Сто-

рож почтительно закивал. – Не извольте беспокоиться, все в порядке будет... с лодочкой-то.

– Мы и не сомневаемся. – Ит тоже перепрыгнул на причал. – Скажите, уважаемый, мост уже открыли или нет?

– Да в том годе еще открыли, – оживился сторож. – У нас теперь благодать стала! До центра три автобуса идут, не надо по реке пилить, можно верхом добраться. Но ездют много, да. Много ездют теперь. Оно как – у нас же, сами знаете, пляж большой, который под церквями, ну и...

– Да, да, мы знаем. Рыжий, рванули, – Ит доброжелательно кивнул сторожу, и они быстрым шагом направились к выходу с причала. – Мост – это плохо, – тихо сказал он. – Если придется бегать, то это лишний путь отхода.

– Тут, куда ни плюнь, одни пути отхода, – недовольно проговорил Скрипач. – Реку тоже исключать не надо.

– Хуже всего будет, если он через шлюз рванет в Капотню... Поддержка-то идет только в пойму, а другой берег полностью открыт. – Ит вдруг замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. – Подожди, давай минуту все-таки подумаем.

– Ну, давай, – кивнул Скрипач. – Сейчас мы движемся прямо и выходим к шлюзам.

– Угу.

– Сперва проверим шлюзы на предмет активности...

– Думаешь, будет еще импульс? – Ит хмыкнул.

– Почему нет? У Роберты в квартире сейчас полный ахтунг, куча народу – электрик, сантехник, аварийка и все про-

чье. Есть шанс, что система про них вякнет хозяину. Потому что объекты эти у нее не зафиксированы и...

– Не продолжай, понял. Возможно, ты прав. Так, дальше поехали. Сейчас на шлюз, ждем несколько минут, смотрим – и в бараки. Там уже остороженько... импровизируем на ходу, само собой. Рыжий, знаешь, меня сильно смущает, что уровень такой высокий. Варианта два. Или ставил профи, и тогда нам сейчас будет весело, или лох, которому дали эту хрень, и объяснили, что делать. У меня ощущение, что мы ловим не того.

– У меня тоже, – вздохнул Скрипач. – Но вариантов нет.

– Да, вариантов нет.

Кленовый бульвар, несмотря на свое красивое название, был местом весьма и весьма запущенным и неприглядным. Клены тут и в самом деле наблюдались, но были совсем молодыми и довольно чахлыми. Зато бараков было много, и вид они имели весьма обшарпанный и ветхий. По левую руку шла неспешная стройка – вот только строили явно не жилой дом, а какую-то подсобную халабудину, с левой стороны стояла одноэтажная кирпичная булочная, окна забраны частой решеткой, дверь обита железом.

– Видимо, воруют, – заметил Скрипач.

– Да, райончик тот еще, – поморщился Ит. – Это тебе не центр.

– Мажоры мы с тобой, – вздохнул Скрипач. – Привыкли к хорошему... а прикинь, всю жизнь в таком вот бараке про-

жить?

– Ты что, мир спасти хочешь? – безнадежно поинтересовался Ит. – Ну, начинай. Только дай я тебе напомним про то, что мы в Израиле видели. Эти бараки по сравнению с тамошними караванами – дворцы.

– Да нет, я... Так, ладно. Ускоримся?

– Другой разговор.

* * *

На шлюзы, как выяснилось, пошли зря. Никого там не оказалось, второго импульса тоже не было – видимо, система умела адаптироваться, и почти сразу перестала «скандальить». С полчаса побродили по окрестностям: ждали темноты, да и Дорохов попросил немного повременить, хотел попробовать перекрыть выезды из района понадежнее.

Еще двадцатью минутами позже они стояли у нужного окна, в которое заглянули в ускоренном режиме. Стояли и смотрели друг на друга – чего-чего, а этого они не ожидали. Никак не ожидали.

Маленькая грязная комната. Растрескавшиеся, просевшие стены. На потолке прореха, из которой торчит потемневшая от сырости и времени дранка. Две кровати с продавленными панцирными сетками. У стены – неработающий приемник допотопных времен; по всей комнате какой-то мусор, грязь, пустые бутылки на полу; облупившаяся дверь, ко-

гда-то крашенная в белый цвет, внешняя проводка – скрученные провода на фарфоровых изоляторах, половина из которых висит просто так, гвозди выпали из стены.

А в комнате...

В комнате – двое когни.

Причем даже не в личинах, а в биологических имитаторах.

И знакомое до боли снаряжение.

На спинке стула висит небрежно водительская амуниция, на приемнике – две портупеи, причем обе пустые, на одной из кроватей – вещмешки, какой-то шмот... Один когни дремлет на свободной кровати, второй спокойнейшим образом чистит пистолет.

Мать Божья, да что ж это в мире делается?!

Скрипач снова посмотрел на Ита, потом беззвучно выругался. Тот отступил от окна, и поманил рыжего за собой. Отошли в сторону, на безопасное расстояние. Ит активировал защиту.

– Охренеть... – еле слышно произнес Скрипач. – Подменыши! Ну, мразь эльфийская, попляшете вы у меня сейчас!..

– Спокойно, – поморщился Ит. – Надо разделиться. Давай так: я выманиваю одного, а ты прижмешь второго, который останется. Как прижмешь, сообщи патрулям. Если, конечно, удастся прижать.

– В чем я сильно сомневаюсь, – недовольно подытожил Скрипач. – Они ж, суки, быстрые. Мы даже в ускоренном

режиме медленнее. Могу и не справиться. Шкуру сбросит, и привет – в закрытом помещении все шансы против меня.

– Тогда убей, – пожал плечами Ит. – Я попробую взять второго. Одного нам вполне хватит.

– И как ты его возьмешь? – ехидно спросил Скрипач.

– Есть одна мысль. – Ит задумался. – Нет, два, само собой лучше, чем один, и если ты тоже сумеешь...

– Попробую. – Скрипач отвернулся. – Слушай, а может, я его все-таки возьму? Подумал сейчас, он ведь в «костюме». Застать врасплох, может, и не успеет раздеться?

Ит задумался. Покусал губу, тяжело вздохнул.

– Попробуй. И я тоже попробую. Уж очень хочется с ними все-таки побеседовать.

...Когни, которых иногда называли еще и эльфами, относились по внутренней градации к «быстрым». Согласно боевым схемам подчас картина получалась следующая. Драконы, луури, «рыбы» (чистые люди, или люди средней гравитации) относились к расам «медленным», дальше шли «средние»: «смешанные» люди, имеющие миллионы вариаций рас, и множество подвидов рауф, и двуполых, и трехполых. А к «быстрым» относились все подвиды когни и все – нэгаши, которые были раза в три быстрее, чем любой, даже замечательно обученный рауф или человек.

Сейчас у Ита и Скрипача, которые отлично про это знали, было преимущество в силе, но в скорости они проигрывали. Однако и у них на чужие «фокусы» имелись годами отрабо-

танные свои...

– Обходим, – приказал Ит. – Рыжий, ты, если что, меня пока не вызывай. Выдерни мне сейчас оттуда одного, и занимайся вторым.

Скрипач кивнул.

Беззвучно обошли барак, Скрипач стукнул в какую-то дверь. Через минуту дверь открылась, и на пороге показалась старуха, неопрятная, дурно пахнущая, одетая в старый засаленный халат.

– Марфа Петровна, вы хотели у водителей рафинад попросить и луковку, – произнес Скрипач через секунду. – Не забыли?

Бабка покачала головой.

– Давайте я вас провожу. – Рыжий протянул руку. – Смотрите, не споткнитесь.

Ит кивнул, и скрылся за углом барака. Он знал, что сделает Скрипач – суть операции сейчас заключалась в том, чтобы заставить бежать того когни, который выйдет.

А уж в какую сторону когни может инстинктивно рвануть, они оба знали стопроцентно. Направо, и только направо. «Левшей» среди когни не встречалось. Может быть, они и существовали, но попадались столь же редко, как люди с «правым» сердцем. По крайней мере, в агенты такого «левшу» никакой Антиконтроль никогда бы не взял.

– ...Алешенька, дружочек, я за луковкой пришла. – Бабка поскреблась в дверь.

Сейчас...

– Чего? – раздраженный неприятный голос.

– Луковку у тебя вчера просила, Алешенька, – залебезила бабка. – И рафинад.

Щелкнула задвижка.

Ну, рыжий, не подведи!

Негромкий хлопок. В свое время они учили это движение, этот звук, его еще называли в шутку «хлопок одной ладонью». Когни, которые учились с ними в одной группе, на эти занятия не допускались по этическим соображениям.

На самом деле все гениальное всегда просто. Не нужны никакие спецсредства, никакая особенная физическая сила, никакое особое умение, чтобы напугать, убить или просто дезориентировать противника. Достаточно более чем простых вещей. Ахиллеса пята есть у каждой расы, неуязвимых нет, вот только надо знать, где она расположена, эта пята, и как правильно ее использовать.

Сейчас, правда, дело несколько осложняется тем фактом, что работают они не с «местными», а с другими агентами.

Но есть преимущество – внезапность.

Это хорошо.

Ит повел плечами, пригнулся. Мимо пронеслась тень, и в следующий миг Ит рванул следом за этой тенью, потихонечку отставая, но отставая так, как было нужно ему – когни уже не будет пробовать вернуться, поэтому есть шанс загнать его туда, куда Ит планировал загнать. «Эльфы», в отличие

от рауф, в темноте видели неважно. А Ит сейчас гнал своего предполагаемого противника в сторону поля, на котором располагалась свалка.

Расчет оправдался полностью, правда, несколько позже, чем думал Ит, – оказывается, свалку стали потихоньку вывозить, и расчищенные участки поля местные начали перекапывать под картошку. Ничего удивительного в этом не было: народ тянулся к земле, климат благоприятствовал... Да что говорить! Ит помнил, например, что в переулках рядом с Красной площадью видел обалденные помидоры сорта «бычье сердце», растущие под окном какого-то дома.

Когни, как и полагал Ит, не рассчитал. Одно дело – убежать по относительно ровному месту, по знакомой дороге, а другое – по мусору, пусть и подсвеченному звездами, но... добежаться очень просто, вопрос времени.

Трех минут свалки когни вполне хватило. Ит, кстати, рассчитывал минуты на полторы, и уже потихоньку начал беспокоиться, что придется гоняться дольше – однако, к его удовлетворению, впереди раздался вскрик и шум падения, сопровождавшийся металлическим лязгом.

«Добежался когни, еще как добежался», – отметил про себя Ит, осторожно подходя ближе. Так... он вовремя пригнулся, пропуская пулю, а потом негромко произнес:

– На твоём месте я бы не стал этого делать. Тебе сейчас надо благодарить небо за то, что ты сломал ногу, а не шею.

– Не подходи. Я застрелюсь. – Высокий, слишком высо-

кий для человека голос. Ага, значит, пока бежал, скинул «костюм». Ну, правильно, кому охота носиться, таская на себе лишние шестнадцать килограмм?

– Ты не успеешь, – ответил Ит. – Можешь не бояться, я не иду к тебе. Стою на месте.

– Вот и стой, – согласился когни.

– Мы можем поговорить? – поинтересовался Ит. Так, пока что придется действительно стоять на месте, потому что когни без «костюма» отлично чувствует любые вибрации. Подумаем...

– О чем?

– Все зависит от тебя. – Ит принялся, поморщился. – Как тебя зовут?

– Нарье, – ответил когни. – Что от меня зависит?

– То, о чем мы будем говорить. Нарье, разреши мне перейти на другое место, – попросил Ит. – Здесь слишком плохо пахнет.

– Рауф... – в голосе когни звучало презрение. – Ну, перейди. Но только по линии, на которой сейчас стоишь. Не подходи ближе. Если пойму...

– То застрелишься, – закончил Ит. – Иду по линии, следи.

Он сделал несколько шагов влево, так, чтобы когни хорошо слышал их, потом чертыхнулся и прыгнул – но опять в том направлении, которое когни считал безопасным.

– В чем дело? – спросил тот.

– Железо, я чуть не споткнулся, – пояснил Ит. – Так вот,

все зависит от тебя, как я уже сказал.

Запах. По ноздрям резануло запахом свежей крови. Ит прикинул: теряет быстро и много. Это плохо. Значит, перелом открытый, и у когни есть реальный шанс отправиться на тот свет, не пуская себе пулю в голову. А это в планы Ит никак не входило.

– Если у тебя разовая вербовка, мы, я думаю, сумеем договориться, – предложил Ит.

– Да, у нас разовая вербовка, – подтвердил когни. – Но мы присягали на верность хозяину. Поэтому твоё предложение неприемлемо.

Этика. Снова и снова – этика. Слово дороже жизни. Но слово тоже можно обойти.

– С братом работаешь? – спросил Ит.

– Конечно. – Близнецы были почти для всех когни обычным явлением. Теперь надо понять, с кем сейчас идет разговор. Если младший, то дело швах. Если старший, ответственный, имеющий право на семью, то есть шанс.

– Дети есть? – поинтересовался Ит. Когни засмеялся.

– Есть. – Голос ровный, все с тем же презрением. – Угрожаешь?

– Да. – Ит говорил столь же ровно. – Найдем. Что тебе дороже? Слово, данное человеку, или двойная плата и жизнь твоих детей?

Ва-банк. Это старший близнец, повезло. Хорошо бы Скрипач не прикончил младшего... если не убьет, то дело,

может, и получится.

– Три миллиона? – Голос когни посерьезнел. – И гарантия?

Ого. Ох, Берта, кого-то ты сильно заинтересовала. Очень сильно, если им за год работы пообещали такую сумму. Но... для Официальной эта сумма ничтожна. Заплатят. Поогрызается атташе и заплатит, как миленький.

Сумма серьезная. Они со Скрипачом, например, за тот же год работы получают миллион на двоих. И на эти деньги вся семья сможет просуществовать безбедно лет десять. Ну, пять, с учетом выплаты отступного Орбели-Син...

– Да. Но с перевербовкой, разумеется, – поспешно сказал Ит.

– И оборудование, – тут же начал торговаться когни.

Идиот... остатки «костюма», по всей видимости, обезболивали сломанную ногу, но Ит понимал – это все ненадолго. Минуты.

– Хорошо, оборудование согласно пакту, – согласился Ит.

– Подтверди, – потребовал когни. – Хотя нет, секунду. Что с моим братом?

– Рыжий, что второй? – в пространство спросил Ит. Коммуникатор, конечно, был включен, и Скрипач ответил в ту же секунду:

– Жив, но до утра поспит. Шустрый, сволочь!.. Он меня за руку укусил, прикинь?!

– Прикидываю, – отозвался Ит. – Картинку дай. Мне мож-

но подойти, или лучше передвинуть канал? – спросил он когни.

– Канал, – приказал тот. – Хорошо... Официал, подтверди решение. Я соглашусь, если ты выступишь гарантом.

Черт... Вот чего-чего, а этого Ит терпеть не мог. Вешать на себя меру ответственности за этого когни? А ведь придется.

– Ладно, – сдался Ит. Поднял руку, вокруг которой тут же зазмеились тонкие зеленые светящиеся нити. – Я, Биэнн Соградо Ит, принимаю на себя меру ответственности за встречную вербовку и работу в качестве двойных агентов Официальной службы представителей расы когни Нарье...

– Нарье и Фихх Ацтала, – подсказал когни. Голос его стал звучать слабее. Совсем плохо...

– Нарье и Фихх Ацтала, и обязуюсь принять участие в их судьбе, а также следить за соблюдением условий временного договора на срок...

– Три года. – Когни дышал неровно, и голос стал совсем уже неуверенным.

– Три года, – закончил Ит. – Нарье, теперь мне можно подойти?

– Д-д-да... – выдохнул тот.

– А ты хорошо держался, – похвалил Ит. – Рыжий, вызывай помощь сюда, срочно! И не местных, а наших. Поторопись.

Чертовы когни, в которых тридцать пять кило веса мак-

симум, у которых трубчатые кости (когни часто из-за этого называют «птицами») и которые ломаются за милую душу там, где рауф или человек отделаются синяком.

— Если бы не девчонки, я бы тебя застрелил. — Когни горючил едва слышно, но все-таки связно. — Ты хорошо поймал меня, рауф Ит. Если бы только жена, я бы... обошелся страховкой. Но мне очень хочется их увидеть...

— Понимаю, — кивнул Ит. — Давай сюда пистолет и отвернись. Сейчас будет больно, мне надо освободить твою ногу.

...да, двойной агент, да, урод моральный, да, враг, да, полгода издевался над Бертой, доведя ее до нервного срыва, да, торговался как на базаре даже сейчас, все так и есть, но смотреть спокойно и ничего не делать, когда у живого существа нога застряла в арматуре, да еще и сломана при этом — все равно невозможно.

Ведь так?

ИВК, Москва – «Бор»

Теория метасистемы

Сначала отмывались сами, вернее, отмывался Ит, а рыжий ехидничал и комментировал. Потом пошли к Берте, и стали вместе с ней наводить порядок уже у нее. Это заняло в общей сложности полдня, но квартира, слава богу, вскорости начала принимать благопристойный вид. Обои, конечно, висели клоками, паркет в трех местах вздулся, но та же кухня, к примеру, не пострадала абсолютно, и, пока они возились в комнатах (заодно уничтожая последовательно все следящие системы), Берта приготовила замечательнейший ужин – в ход пошло все самое вредное, но при этом – самое вкусное.

Оба понимали: таким образом бедняга празднует свое избавление, уже окончательное, от полугода кошмара. И понимали, что ей сейчас это действительно необходимо. Хочет устроить посиделки, с гостями, с музыкой? С едой? С огромным противнем свинины с картошкой, с осетриной, за которой съездила в центр, с кучей каких-то закусок, с пирогом с вареньем? Да ради бога!

Лишь бы всем было хорошо.

Позже, вечером, сидели компанией. Приехал Томанов, пришли двое Бертиных ассистентов, приехал атташе из Официальной, тот самый, с которым беседовали, Максим

(мужиком он оказался на поверку отличным – оказывается, и Томанов, и Берта с ним неоднократно общались). Один из ассистентов, оказывается, неплохо играл на гитаре – извинился, убежал куда-то, минут через двадцать пришел с инструментом.

О перевербованных когни говорили много. Нарье отделился относительно легко, сейчас его жизни, по словам Максима, уже ничего не угрожало. С врачом, впрочем, побеседовали еще днем.

– ...я бы не советовал вам верить тому, что они говорят. – Врач, тоже, кстати, когни, был от ситуации не в восторге. – Я этот тип знаю слишком хорошо. Сейчас они пошли на сотрудничество с вами, а потом с такой же легкостью...

– Да, да, да, – согласился Ит. – Мы это поняли сразу. Но в любом случае спасибо вам за информацию и предупреждение.

– Через неделю он будет полностью в норме, переломы у нас срастаются быстрее, чем у вас, а пактовых лекарств ему вполне достаточно, чтобы не чувствовать боли. Но я бы все-таки рекомендовал изолировать этих братьев. – Когни задумался, потер лоб. Он был уже стар, и принадлежал другой породе. Братья были низкорослыми, и, если сравнивать их с птицами, а не с эльфами, были похожи на воробьев или какую-то другую пернатую мелочь, а этот когни больше напоминал старую унылую ворону. – Он сказал тебе про детей, агент?

– Да, – кивнул Ит.

– Так вот. Никаких детей у него нет. И у брата тоже нет.

– Но...

– Ты хочешь сказать, что младшему иметь детей незаконно? – Когни прищурился. – Конечно. Но этот закон с легкостью обходят те, кому его нужно обойти. Нарье в этой жизни интересуют только деньги. И за деньги...

– Совершенно с вами согласен. У нас на эту парочку есть свои планы. – Ит, уже уставший улыбаться, решил, что разговор пора сворачивать. – Не волнуйтесь, мы учтем все, что вы сказали. Мы ведь тоже не первый год играем в эти игры...

...Вечер, неспешный и теплый, входил в комнату через настежь распахнутое окно; ассистент с гитарой примостился на краешке кресла, что-то наигрывая и тихонько напевая, Скрипач по своему обыкновению, сел на подоконник, рассеянно глядя куда-то на улицу, а Ит, Томанов, и Максим обсуждали дальнейшие действия. Роберта молча слушала их, подперев щеку ладонью. Ит исподтишка посматривал на нее и едва заметно улыбался.

Стол к этому моменту уже основательно разорили, но закусок было пока что достаточно. Скрипач слез с подоконника, налил в стакан морса (Ит насчет сухого закона не шутил – по одной рюмке они все-таки выпили, но дальше – никакого спиртного) и снова сел на подоконник.

– Дело в том, что придется, разумеется, раскрывать всю цепочку. Боюсь, что грядет большая охота на ведьм, в кото-

рой нам могут и не дать принять участие, – Максим недовольно покачал головой. – Вы сами подумайте...

Скрипач поморщился.

– Да, согласен, – кивнул он. – Караваны, таможня, да и внутри страны наверняка что-то имеется. А братишки будут молчать, несмотря на перевербовку – кому охота связываться? Эти ведь не мы, голову оторвут запросто за такие дела.

– Почему бы и не охота на ведьм? – агрессивно возразил Томанов. – Что же нам, терпеть на территории страны эту мразь?

– Ой, ну я вас умоляю, Федор Васильевич, – протянул Ит. – Ну сколько можно... Вы представляете себе эту охоту на ведьм в исполнении ГБ? Это же начнут мести всех подряд, не разбирая, и что будет в итоге? Подозрительность, паранойя, истерика, а следствие – закрытые границы, обострение и так не сахарных отношений с другими странами соцлагеря. Такие дела так не делаются. Тут нужен более тонкий подход...

– И теперь идите в ГБ, Ит, и доказывайте это им. – Раздражение в голосе Максима звучало вполне явственное. – Давайте. Допустят они, к примеру, вас к этой работе?

– Разумеется, нет, – невозмутимо ответил Ит. – Вы же видели наше досье...

– А что с досье? – напрягся Томанов.

– На нас наезжает Огден, и заодно – руководитель класте-

ра, – неприязненно отозвался Скрипач. – Мы нынче в неми-
лости.

– Почему? – Федор Васильевич помрачнел.

– Рауф потому что. Максим, вы бы запросили группу, но только людей, – предложил Скрипач. – Мне кажется, вам пойдут навстречу. И бригаду дадут хорошую. Три-четыре агента, пара аналитиков посерьезнее, координатор, врач, может быть даже эмпаты. А с ГБ мы попробуем как-нибудь договориться. Там умные люди сидят, которые отлично понимают, что массовая истерия сейчас совершенно не нужна.

Он высунулся в окно и принялся что-то внимательно разглядывать. Ит недоуменно посмотрел на него, пожал плечами.

– А ведь хорошая мысль, – выдал он наконец. – Максим, действительно, давайте хотя бы попробуем?

Атташе тяжело вздохнул. Оглядел стол, налил себе в рюмку красного вина, посмотрел на свет. Задумчиво пожевал губами, отпил глоток.

– Ну, давайте, – согласился он. – Жаль, что вам не разрешат...

– Мне тоже жаль, – невесело усмехнулся Ит. – Но что поделаешь. Рыжий, чего ты там выглядываешь? – спросил он недовольно. – Что там такое?

– Э-э-э... да так, ничего, – отозвался Скрипач. – Думаю, поместится или не поместится...

– Что и куда? – с подозрением поинтересовалась Роберта.

– А вон тот золотистый шарик, который как звездочка, – пояснил Скрипач недоумевающим присутствующим. – Ну вон тот. Который на башенке.

– Так. – Ит с подозрением глянул на него. – Надеюсь, ты шутишь?

– Надейся, – хохотнул Скрипач. – Интересно, он пролезет в окно?

– Слушай, прекращай идиотничать, – рассердился Ит. – Не надо устраивать тут балаган. Да еще и при посторонних.

Он заметил, что оба ассистента Роберты прекратили гитарные упражнения и с большим интересом смотрят на Скрипача. Парни были молодые, третий или четвертый год после аспирантуры, и похожие друг на друга: сильная, здоровая местная порода. Коренастые, крепко сбитые, загорелые, темноглазые и темноволосые. Одеты бедновато, но аккуратно. Светлые рубашки, темные брюки, сандалии из кожаных ремешков. У одного – очки в роговой оправе, слабые, видимо, больше для чтения. Роберта их обоих, кажется, представила, но они оба были слегка застенчивы, и в разговорах участия не принимали.

Идея с шариком их явно заинтересовала. По крайней мере, улыбки у парней теперь были гораздо более оживленные, чем прежние, дежурные, для компании.

– А я вот думаю, что все-таки пролезет. – Скрипач прикинул ширину проема. – У тебя тут окошки метр тридцать будут, а в шарике где-то метр, не больше. Так что запросто.

– Рыжий, перестань, – попросил Ит. Берта беззвучно смеялась. – Федор Васильевич, может быть, вы, по старой памяти...

– Скрипач, ну правда, хватит. – Томанову тоже было явно весело. – Это действительно несколько... несерьезно. Я понимаю, что это шутка, но...

– Шутка? – странным тоном произнес Скрипач. – Вообще-то, я вовсе не шутил. Но хорошо, пока что оставим тему. Так что, мы завтра в ГБ, выходит дело?

– Видимо, да, – отозвался Ит. – У меня есть одна мысль... Братья – хорошая возможность дезинформировать противника. Может быть, сделаем фальшивую научную группу, которая создаст за короткий срок достаточно достоверную мистификацию? Такую, чтобы «проглотили» те, кто хочет проглотить?

– Это вот это уже действительно хорошая мысль, – хлопнул себя по бедру Томанов. – Берта, как вы считаете, Артем и Тимур сумеют?

– Так, Артема и Тимура вы мне не трогайте, – решительно ответила та. Строго глянула на парней. – Хотя мы, наверное, за недельку все вместе...

– Вот и отлично.

– Нет, все-таки не пролезет, – вдруг сокрушенно сказал Скрипач. – Потому что будет мешать палка, которая в середине рамы.

– Рыжий, действительно. Хватит уже. – Ит нахмурился. –

Мы говорим о серьезных вещах, а тебе лишь бы фигней всякой заниматься.

Скрипач хмыкнул и не удостоил его ответом.

– Давайте конкретнее, – попросил Томанов. – Что именно мы делаем?

План после обсуждения получился следующий.

Во-первых, большой шумихи поднимать смысла не было, но кое-какую информацию предполагаемому противнику нужно было дать обязательно. Для этого решили сделать вот что: дня через три в одной из центральных газет должна появиться заметка с примерно следующим содержанием. Ольшанская Р. М. не оправдала оказанного ей доверия и поэтому снимается с занимаемой ныне должности, а вместо нее на пост назначается другой человек. Какой – предстояло решить на днях.

Во-вторых, спешно создается фальшивая теория, информацию о которой, конечно, обнародовать никто не будет, но теория, и это очень важно, должна быть более чем похожа на настоящую. И разрабатывать практическую часть по этой фальшивке будет самая что ни на есть настоящая рабочая группа, в которую войдет часть сотрудников Роберты. Конечно, не лучшая часть (тех же Тимура и Артема Роберта решила оставить при себе), но суть в том, что это должны быть реальные, известные слежке, неподставные люди. Которым, увы, правду говорить будет ни в коем случае нельзя.

В-третьих, Роберта и оставшаяся часть ее группы долж-

на быстро и незаметно исчезнуть с горизонта в самое ближайшее время. Для начала Томанов предложил перевести группу в «Бор», туда же, куда по направлению от официальной службы отправлялись сейчас Скрипач и Ит, потом... потом уж как получится. Задерживаться надолго в одном месте группе точно будет нельзя.

– «Бор» в этом отношении безопасен. – Томанов откинулся на спинку стула, потянулся. – Там столько военных, что туда просто никто не рискнет сунуться. Берта, ну поживете вы там месяц-другой, подышите воздухом. Хоть нервы в порядок приведете.

– А оборудование? – Роберта подалась вперед. – Приводить в порядок нервы – это замечательно, но мы не сможем работать без аппаратуры.

– Будет вам аппаратура, – пообещал Томанов. – Придется, конечно, поднапрячься, но за месяц, думаю, мы этот вопрос решим. С собой вы больше десяти человек взять не сможете...

– Обойдемся меньшим количеством, – пожала плечами та. – Михаила, Олесю, Толю – пусть встряхнется наша профессура. Кого еще? Мальчишек. Уже пятеро.

– Данила с Иваном не возьмете?

– Возьму, пожалуй. – Роберта, кажется, что-то прикидывала про себя. – Ваня хороший схематехник, руки у него из правильного места выросли, и опыта, считай, тридцать лет, а Данил, хоть и из ваших, с головой дружит более чем.

– Берта, вы меня порой убиваете, – вздохнул Томанов. – «Из ваших», тоже сказали. Чем вам мой-то не угодили?

– Лению, – отрезала Ольшанская. – Махровой. Распустили вы сотрудников, Федор Васильевич, просто до безобразия.

* * *

Разговор затянулся далеко за полночь, на улице начался дождь, и окно пришлось закрыть. Убрали со стола, накрыли заново – фарфор у Берты был хорош, настоящий чешский. Тонкостенные чашки цвета слоновой кости, с тонким, едва различимым узором, изящные блюда. Бархатную коробочку с серебряными ложками Берта тоже вытащила на свет божий. Сказала, что соскучилась, года три не доставала. Сделали чаю, нарезали пирог... Роберта, полгода молчавшая, говорила почти не переставая, но никто ее не прерывал – всем было и впрямь более чем интересно то, что она сейчас рассказывала.

Теория, из-за которой у нее начались все неприятности, заключалась в следующем. Основываясь на том, что сеть площадок, существовавшая на Терре-ноль, подчиняется внутренним законам по тому же принципу, что и Сеть, которую держит Контроль, Роберта через какое-то время, ознакомившись с рядом выкладок Контроля, пришла к следующим тезисам.

Сеть, поддерживаемая Контролем, является частью некой

метасистемы. На это указывает, например, существование мегасиуров, чудовищного размера конгломератов, которые делятся на кластеры, и уже эти кластеры поддерживает Контроль... значит, если проводить аналогию, подобное возможно и здесь.

Площадки организованы, алгоритм для вычисления точек площадки она, собственно, создала в свое время самостоятельно, и теперь им пользуются практически все ученые, которые работают в этой области. Те, самые первые их выкладки, были, конечно, приближительными и обобщенными, нынче для расчета той же площадки необходимо знать уже не три ее точки, а две – причем, имея эти данные, возможно вывести и местонахождение площадки, и ее противофазу.

Так вот, если свести воедино оба этих тезиса, получается примерно следующее.

Площадки – часть метасистемы.

Значит, должны быть точки, которые относятся не только к обычной системе, но и к мета...

– А что это может дать? – поинтересовался Томанов. – Берта, я в тысячный раз задаю этот вопрос: ответьте мне, коллега, для чего они вообще нужны, эти точки? Что мы будем с ними делать?!

– Федор Васильевич, если бы с ними ничего нельзя было сделать, за ними бы не гонялось сейчас такое количество народу. И за мной бы не следили... Я не знаю, что именно, но что можно – сомнению уже не подлежит.

Так вот, эти выводы, разумеется, уже не новы, но... Но где-то с год назад у Роберты появилась следующая идея.

– Сеть площадок так или иначе привязана к поверхности планеты, верно? То есть они являются территориально зависимыми объектами. А теперь на секунду представьте себе, что может существовать какой-то иной закон, согласно которому метаплощадки и будут организовываться. Только это другой закон, который будет действителен для метасистемы...

– То есть эти площадки к поверхности планеты не привязаны? – Скрипач нахмурился.

– Конечно, привязаны. Но по иному принципу.

И как только они начали разрабатывать эту тему, ее тут же закрыли.

– Сама теория тоже не новая, как вы знаете, – продолжала Роберта. – Существуют полтора десятка площадок, которые претендуют на причастность к этой гипотетической системе, но лично у меня они вызывают большие сомнения. Кроме...

Берта замолчала, и в глазах ее появилось то же выражение, что было тогда, когда они вошли в эту квартиру с цветами в руках.

– Не бойся, – тихо произнес Скрипач. – Теперь уже нечего бояться.

– Может, и нечего, – вздохнула Берта. – А мне все равно не по себе.

– Понимаю. – Рыжий покачал головой. – И все равно, не

бойся. Продолжай.

Три площадки, которые теоретически могут действительно относиться к метасистеме, расположены совсем даже не в соответствии с привычными представлениями о том, как должны быть расположены эти площадки.

– Остров Змеиный – это раз. – Берта встала, подошла к книжному шкафу и вытащила с полки объемный атлас. – Ит, помнишь, как все это начиналось?

Ит невесело усмехнулся.

– Да уж. – Он покачал головой. – Кто бы мог подумать, что весь этот остров – одна большая площадка? Там же люди жили...

– Жили, верно. А теперь там непрекращающаяся драка, причем со стороны Румынии, как вы сами понимаете, очень резво тянут к острову дамбу...

– Чего? – Скрипач чуть ли не подскочил на стуле.

– Того, – пожала плечами Роберта. – Забавно, да? Где бедная Румыния сумела найти такие средства?

– Ясно. – Рыжий скривился, как от кислого. – По-моему, я уже понял, о чем ты.

– Скрипач, вы послушайте... я немного в курсе, и несмотря на то что я действительно не понимаю, для чего это надо... в общем, это действительно интересно, – попросил Томанов.

Вторая площадка – в Таджикистане. Памир, западная часть Памирского фирнового плато. О том, что там вообще

есть площадка, стало известно лишь после того, как на плато разбился один из российских исследовательских самолетов. Или же ему кто-то помог, этому самолету – есть версия, что «помощь» пришла с территории Афганистана. Как знать, как знать...

– Самолет там лежит до сих пор. – Берта листала атлас. – Кто видел, говорят, зрелище тягостное.

– Охотно верю, что оно тягостное, – пробормотал Ит. – Берта, а кто это был?

– Вы их не знали, я тоже. – Она задумалась. – К нам та группа никакого отношения не имела.

– Я просто подумал...

– Ит, это были картографы, если ты про специальность. Исследовали Пик Коммунизма, делали фотосъемку, и... что-то произошло. Катастрофа действительно выглядела странно... – Берта мялась, Ит видел, что говорить ей совсем не хочется. – В общем, это можно обсудить и позже. Но площадка там есть, с очень интересными характеристиками.

– Большая? – деловито спросил Скрипач.

– Большая. Почти километр в диаметре.

– Ого!

– Вот тебе и «ого».

– А третья точка где? – поинтересовался Ит.

Да, пожалуй, оно действительно того стоило. Потому что ради этого всего можно любые тесты выдержать и через любые унижения пройти.

Что-то в происходящем было, что-то... ну да, конечно. Это все было – настоящим. Для них, здесь и сейчас, это было – настоящим.

И еще – это все было чертовски важно.

Но он, как ни старался, не мог понять почему.

– Третья точка – это Подкаменная Тунгуска.

– Это не там, где метеорит? – оживился Скрипач.

– Там, – подтвердила Берта. – Именно там. По нашим расчетам, метеорит упал как раз там, где находится площадка.

– Туда отправляли экспедиции. – Томанов отставил в сторону чашку с чаем. – Но проблема заключалась, во-первых, в том, что место весьма и весьма труднодоступно, и еще...

– И еще эти экспедиции не сделали ничего из того, что я просила сделать, – рассердилась Роберта. – Пока я сама туда не попаду и сама, своими собственными руками, не...

– Не надо злиться, – попросил Томанов. – Роберта, не надо злиться, пожалуйста. Вам совсем не к лицу эта сварливость.

– Да, она мне не к лицу, но зачем меня злить?

– Мы не настолько хорошо обеспечены, чтобы гонять по экспедиции в год в Сибирь ради весьма сомнительных данных, которые неизвестно еще для чего нужны...

– Федор Васильевич! Ну вот, снова-здорово!.. – Роберта захлопнула атлас и брякнула его на край стола так, что чашки подпрыгнули. – Я уже эти разговоры слышала, и вам напомнить, когда это было?!

– Бертик, ну не надо, – миролюбиво попросил Скрипач. –

Ну чего ты, действительно? Сейчас, я думаю, все вопросы как-то можно решить, верно? – Он остро глянул на Томанова, тот потупился. – Можно, сама видишь. Будет тебе экспедиция, не сомневайся.

Роберта тяжело вздохнула, села на свое место. Отпила глоток из своей чашки.

– Слушай, скажи мне, пожалуйста... – осторожно начал Ит. – А почему? Если вообще отвлечься от конкретики. Ты можешь объяснить, почему ты стала искать эти точки?

Она задумалась.

– Не знаю. Наверное, интуиция. Ит, я не могу объяснить. У меня есть ощущение – это важно. Это чертовски важно, и это нужно сделать, но для чего – убей, не понимаю.

– Вот именно про это я говорю, – проворчал Томанов. – Сто раз спрашивал. Важно, и все тут. И полное отсутствие конкретики.

– Роберта Михайловна, – Максим, все это время молча слушавший разговор, задумчиво посмотрел на нее. – Простите, у меня возник вопрос. Вы обсуждали эту свою выкладку с Контролем? Самостоятельно, через посредников, как угодно? Или...

– Только с Встречающими, во время визитов на Окист, – ответила Роберта. – Они не сказали ничего интересного.

Ит вдруг понял – она лукавит. Обсуждала, конечно же. И сейчас – лукавит и недоговаривает, потому что... может быть, потому, что чувствует то же, что он сам.

– А с кем ты говорила? – спросил он.

– С Владой и Соней, конечно же, – пожала плечами Роберта. – Они очень милые девочки.

– Что они тебе сказали? – поинтересовался Ит.

– Что если я хочу что-то искать, то надо искать. Значит, это для чего-то нужно.

– Блестяще, – скривился Томанов. – Железная логика. Если нужно искать, значит, нужно искать.

– Федор Васильевич, вспомните Сон де Ири, – тихо попросил Скрипач. – И что он говорил по этому поводу. И что он сказал бы сейчас.

– Ах, ну оставьте вы эти пространные рассуждения, – отмахнулся Томанов. – «Он говорил». Подумаешь, тоже мне, истина в конечной инстанции. И потом, все эти рассуждения – что об интуиции, что о вибрациях, что о судьбе и фатуме – они, простите, в свете реальности яйца выеденного не стоят.

– Это замечательно. Но почему же тогда другие страны гонятся за этой информацией, и почему Альянс подсылает когни следить за Бертой? – прищурился Ит. – Вы не допускаете, что им тоже что-то известно про это? – Он усмехнулся. – И никакая интуиция тут, замечу, ни при чем.

– Ну, мало ли. Идиотов везде хватает, – пожал плечами Томанов.

– Так уж сразу идиотов, – поддел его Ит. – Да нет, Федор Васильевич, идиотизм тут ни при чем. И, простите, у ме-

ня странное ощущение. По-моему, вы чего-то боитесь. Вот и сводите все к...

Он не договорил. Томанов резко встал, треснул ладонью по столу.

– Я. Никогда. Ничего. Не. Боялся! – гаркнул он. – Не надо!..

– Не надо? – переспросил Ит. – Вот что, Федор Васильевич. Давайте рассуждать логически. Есть факты. Следующие. Как только речь пошла об этой системе, тут сразу началось какое-то движение. Так?

– Так, – нехотя ответил тот.

– Вы сами отлично знаете, что просто так такое движение начаться не может. Что это значит? То, что Альянс и Антиконтроль, соответственно, с другой стороны подошли к подобным же выводам.

– Ладно, – махнул рукой Федор Васильевич. – Но все равно...

Он не договорил. Сник, снова сел на свое место и принялся меланхолично возить ложечкой в вазочке с вареньем.

– Можно по стенкам размазать, будет казаться, что его больше, – подсказал Скрипач.

– Ради всего святого, Скрипач, не ерничайте, – попросил Томанов. – Максим, у вас есть что-то еще по этому вопросу?

– Конечно, – ответил тот. – У меня очень много всего, но я предпочту подождать группу Ри Нар ки Торка и предоставить обеим командам возможность работать в тандеме. Это

самое разумное, что я могу в данный момент предложить. Знаете, если без официоза... – Он понизил голос. – Мне действительно не нравится ситуация. Спешить с выводами не стоит, но... – Он запнулся. – Есть одна такая теория, уже у Контроля...

– Это какая же? – склонила голову к плечу Роберта.

– Теория конусов. Так вот, она...

– Ах, теория конусов... ну, конечно. Слышала, слышала, – покивала Роберта. – К сожалению, в данном случае нам от нее нет никакого толку.

Максим пожал плечами и потянулся за заварочным чайником.

– Нет так нет, – с безразличием в голосе сказал он. – Ладно, действительно. Давайте тогда сообразно обстоятельствам...

– Берта, а как же площадка в Москве? – вдруг спросил Артем, который до этого момента вообще ничего не говорил, лишь слушал. – Ну та, которая...

– Какая площадка? – не понял Ит.

– Мы вычислили одну точку тут, в городе. – Тимур пересел поближе к товарищу. – У нее очень сильно смазаны характеристики, и мы почти год спорили, можно ее отнести к разряду площадок или нет.

– И где она находится? – поинтересовался Скрипач.

– Да на Балаклавке, у леса. Рядом с ипподромом. Там дорога, по одной стороне дома стоят, новые, по другой – иппо-

дром и лес, – принялся объяснять Артем.

– И что? – с интересом спросил Ит.

– Ну, для того, чтобы эту точку исследовать, никуда ехать не надо...

– Ребята, вы сейчас в аспирантуре учитесь? Время у вас есть? – поинтересовался Скрипач.

– Давно закончили, – поправила Роберта. – Работают. Три года уже. А что?

– Просто подумал, что у них, может быть, есть время, чтобы эту площадку все-таки как-то подробнее...

– Вот уж что-что, а эту мы всегда успеем проанализировать, – отмахнулась Роберта. – Она от нас точно никуда не денется.

* * *

В «Бор», бывший подмосковный дом отдыха, а ныне – базу, выкупленную Официальной службой под тренировочный лагерь, отправились в понедельник. Пять дней до отъезда занимались множеством разных дел: от бесед в ГБ и работы с фальшивой научной группой, до ремонта. Скрипач развел бурную деятельность, и к вечеру воскресенья квартира Берты преобразилась – на стенах теперь были новые обои «под дворянское гнездо», которые Скрипач правдами и неправдами добыл у знакомых спекулянтов, шторы сменили на роскошные темно-зеленые портьеры, за бешеную сум-

му купленные Итом у водителей, а еще успели нанять мастера, который подреставрировал паркет и натер его мастикой с приятным восковым запахом. Берта с группой должны были приехать в среду, а сейчас они уезжали вдвоем. Не мудрствуя лукаво побросали снаряжение в «Сарепту» и отправились. Вышли рано, шести утра еще не было, зато прибыли к девяти – Скрипач решил, что позавтракать можно уже в пансионате.

«Бор» располагался в красивом, живописном месте, на высоком берегу Москва-реки. Лес там и в самом деле имелся – вокруг корпусов стояли высокие сосны, и воздух пах совершенно замечательно: хвоей, смолой, свежестью... Под соснами тут и там были проложены дорожки, засыпанные крупным песком, рядом с дорожками кое-где сохранились указатели – «Пляж», «Волейбол», «Тир», «Прокат велосипедов». Корпуса, надо сказать, были не ахти какие, вид имели потрепанный, номера – маленькие, но зато с балкончиками, с которых открывался замечательный вид. Иту и Скрипачу достался двухместный номер на «командирском» этаже (там все номера были двухместными, но жили в них чаще по одному), они занесли вещи, сходили к коменданту, отметить о заселении и получить талоны на еду, сбегали в столовую, перекусили и отправились на инструктаж, который начинался в десять.

Старший офицер службы встретил их доброжелательно, но в то же время было видно, что он немного насторожен.

Однако вся его настороженность пропала, когда они объяснили, что, несмотря на высокий статус, собираются в основном работать по спущенной сверху программе, в частности – просят поставить их в группу обучения пилотированию. Да, могли бы заняться чем-то еще, но, судя по тому, что они сейчас видят, координатор дал правильное направление, и вообще, перечить координатору нет смысла, да мы и сами мирные, все понимаем...

– И вес у вас подходящий для двойки. – Офицер крикнул. – Знаете, частным порядком скажу. Нагнали сюда какого-то лешего боевиков-рауф, так они здоровые, как лоси, и работать могут только в десанте, а куда мне, скажите на милость, три десантных группы, когда мне нужна была одна в актив, и одна в резерв?

– Ну, если частным порядком, то, боюсь, вам скоро все три понадобятся, – пожал плечами Ит. – Но мы сейчас не об этом. Хорошо, что мы подходим. Я рад. Анатолий, вы не переживайте про эти группы, думаю, с ними проблем быть не должно...

– Да как же! Уже приходил тут на днях этот, как его... не помню, не важно. Потребовал утвердить его личный план тренировок. Я посмотрел этот план, так у меня волосы дыбом – где я возьму все то, что ему для тренировок надо?! Сказал, что у нас все три плана – компенсационные, потому что группы пришли, по сути, ждать основной работы, а не тянуть из себя жилы, так он мне заявил, что свою группу знает

лучше, и сам решит, когда жилы, а когда нет. Я посмотрел – а у него эта группа третий месяц всего лишь! И группа, надо сказать, не в восторге от его плана.

– Жаловались? – осведомился Скрипач.

– Конечно, нет, – скривился офицер. – Сами знаете, это недопустимо. Но то, что этот командир им явно не по нраву, видно. И... я с ним ничего поделать не смогу, он меня по званию выше!..

– Да, тяжело вам приходится, – посочувствовал Ит. Посочувствовал вполне искренне.

– Это вы еще не видели новый пакт, судя по всему. – Офицер невесело ухмыльнулся. – Берите, читайте. Тренировки начнутся послезавтра, так что времени у вас предостаточно. Боюсь, после прочтения вы поймете, что тяжело будет не мне, а вам. Я-то за шесть лет работы здесь с идиотизмом свыкся...

– Мы тут раньше работали, – заметил Скрипач.

– Три года назад – месяц? – засмеялся тот. – Ну-ну. Сейчас посмотрите, что тут за эти три года наворотили. Так, что забыл сказать? Катер на аэродром выходит в шесть утра, и в восемь. Тренировочных машин пока что четыре штуки, поэтому много налетать не рассчитывайте. Нам обещали еще шесть машин, но пока что на те, что есть, очередь.

– А симуляторы? – удивился Скрипач.

– А симуляторы запрещены пактом, как недопустимое средство обучения, – засмеялся офицер.

– Что за... – начал Скрипач.

– Ага, проняло? Возьмите в библиотеке по экземпляру и насладитесь в полной мере, – посоветовал тот. – Много нового узнаете. Например, что десантный антиграв – это аналог парашюта...

– Чего? – У Ита аж глаза вылезли на лоб.

– Того. Все, свободны. Позже поговорим.

* * *

Пакт, соглашение между Белым Альянсом и Содружеством Свободных Государств, предстояло не просто прочесть, его нужно было выучить за отведенные сутки. Любое нарушение этого пакта во время ведения боевых или разведывательных действий могло повлечь за собой такие последствия, что мама не горюй. Поэтому, распаковавшись и проверив снаряжение, они взяли по объемистой книжке (серая махрящаяся уже по углам обложка, скверная бумага, и запах свежей типографской краски), и ушли в парк, на свою любимую полянку.

Через полчаса чтения Ит швырнул книжку в ближайшее дерево, и объявил, что, кажется, настала пора устраивать революцию, потому что работать в таких условиях будет невозможно. Скрипач встал, поднял книжку и запустил ее в Ита, следом выловил в траве сосновую шишку, и, подкидывая ее на руке, стал цитировать фрагмент Кодекса, относящийся

к соблюдению законов мира пребывания. Ит погрозил ему кулаком и снова уткнулся в текст – читали они оба, разумеется, быстро, но тут, к огромному сожалению, надо было еще и анализировать прочитанное, попутно примеряя на возможные ситуации.

Какой кошмар...

Нельзя было, по сути дела, ничего.

От слова «совсем».

То, что допускалось, было, судя по тексту, адаптировано к местным условиям и технической базе.

Да еще и встречное соглашение, которое раньше еще умудрялись как-то обходить, стало миновать вовсе невозможно.

...Нарушение минимума стороннего технического оснащения, например, влекло за собой снятие запрета на такое же нарушение для противника. Правило $1=1$, вот как это теперь называется.

...Под запрет попали разрешенные раньше технологии, даже разведывательные – попробуй теперь используй те же следящие системы.

– А братишки использовали, – заметил Скрипач.

– Значит, у нас на что-то есть разрешение благодаря им, – согласился Ит. – Не факт, что нам дадут воспользоваться, но нам сдали карту...

...Личное оружие – только местное. В крайнем случае – лицензионные аналоги.

– Уф... – Скрипач вытер лоб. – Я уж побоялся, что и это отберут. Хорошо, что хоть пункт про свое снаряжение не выкинули.

– И то слава богу, – кивнул Ит. – Согласен. Подозреваю только, что это ненадолго.

Часть оборудования к работе допускалась, но строго – обеими сторонами, зарегистрированное. Десантный антиграв был и в самом деле признан аналогом парашюта, и предназначался «для десантирования наравне с местными приспособлениями для десантирования». Скрипач вспомнил, как они когда-то учились сворачивать правильно «местный аналог», вот только веселиться им вдруг резко расхотелось. Видимо, из-за следующего раздела.

А следующий раздел оказался посвящен транспорту и системам сообщений. И был в нем пункт про авиацию, в которой теперь разрешалось следующее: использовать антиграв для взлетов и посадок, и использовать «импорт» только для полетов над своей территорией. Причем – только для военных машин, для гражданских не позволялось и этого.

Реактивные двигатели для обеих авиаций находились под строгим запретом. Синтетические присадки для топлива – незаконны. Использование не местных смазочных материалов – незаконно. И прочее, и прочее, и прочее... Все только местное, включая запчасти и краску.

– Нет, я понимаю, никто не хочет гонки вооружений, причем еще и с использованием сторонней техники, но... – Ит

запнулся. – Зачем до такого маразма доводить?! Рыжий, ты понимаешь, что происходит? Они же сами себя загоняют в ловушку!

– Ну это с какой стороны посмотреть, – нахмурился Скрипач. – Отчасти да, отчасти нет. Ты сам когда-то говорил, что мир этот тебе нравится в его аутентичном варианте. Вот и получай аутентичный вариант.

– Аутентичней некуда. – Ит потер переносицу. – Хорошо, что мы тогда хоть что-то успели сделать... Слушай, а ведь это не так давно началось.

– Что именно? – Скрипач вяло листал пакт.

– Вот этот абсурд. Пакт, он же и раньше был. И раньше тоже запретов хватало. – Ит задумался. – Но они были разумными, обоснованными. А сейчас это превратилось во что-то совершенно ненормальное.

– По-моему, они чего-то испугались, – предположил Скрипач. Он заложил страницу травинкой и повернулся к Иту. – Нас три года не было, и за эти три года случилось что-то, чего они испугались всерьез и сильно. Оттуда и этот абсурд. Больше мне ничего в голову не приходит.

– А мне приходит. – Ит прищурился. – Рыжий, один момент. Берту не выпускают с планеты уже пять лет. Она пять лет не выезжала ни разу за пределы мира. И ждала нас тут, под дверь вон ходила стоять, тосковала... А ведь ей, чтобы до нас добраться, всего-то нужно было сесть на катер, потом в Домодедово, и через площадку... и?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.